
Глава 5

НЕМЕЗИДА ЖДАЛА НЕМЦЕВ ПОД МОСКВОЙ

1. Роль Сталина в мобилизации сил для отпора врагу

Ситуация в начале войны поставила перед страной и ее лидером бесчисленное множество проблем, которые требовали своего неотложного решения. Можно сказать, что в любой стране, кроме Советской России, такое драматическое развитие событий привело бы почти наверняка к краху. В многотомной истории КПСС в концентрированном виде приводятся оценки наших будущих союзников мрачных перспектив, которые рисовали видные западные политические деятели и специалисты-историки. Позволю себе в полном виде привести эти высказывания, поскольку они убедительнее, нежели рассуждения автора, нарисуют картину. “Черчилль писал в своих мемуарах, что “почти все ответственные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и окажутся в основном уничтоженными” (W. Churchill. The Second World War, London. 1950. vol. III. p. 350). Сам Черчилль также не верил в способность Советского Союза продержаться. Об этом свидетельствовал сын Ф. Рузвельта Эллиот Рузвельт (см. Эллиот Рузвельт. Его глазами. М. 1947. С. 46). О мнении американских военных кругов сообщает тогдашний американский военный министр Стимсон: “По оценке офицеров службы разведки военного министерства, — пишет он, — кампания могла продлиться лишь от одного до трех месяцев” (H. L. Stimson and Mc George Bandy. On Active Service in Peace and War. N. Y. 1947. p. 383). Американский историк Флеминг подчеркивает, что “подобное мнение было широко распространено среди военных должностных лиц как в Соединенных Штатах, так и в Англии. Все они были согласны в том, что немцы пройдут через Россию как нож через масло” (D. F. Fleming. The Cold War and its Origins. 1917–1960. vol. I, London. 1961. p. 137). Американский историк Шуман пишет: “...Западные военные эксперты... считали, что у СССР нет шансов уйти от полного разгрома его фашистской Германией в течение шести недель (генерал Маршалл) или максимум трех месяцев (английский генеральный штаб)” (F. L. Schuman. Russia since 1917. N. Y.. 1957. p. 280)”¹.

Наряду со скептицизмом, сквозившим буквально во всех высказываниях авторитетных западных политических и военных деятелей, имели место и прямые, ничем не замаскированные надежды кругов, заинтересованных в том, чтобы Советская Россия, а также Германия вели войну до своего полного изнеможения. Широко и печально известна идея, публично озвученная тогдашним сенатором, а после смерти Рузвельта ставшим президентом Г. Трумэном: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помочь России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помочь Германии, и, таким образом, пусть они

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. М. 1970. С. 152.

убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах”².

Конечно, тех, кто столь пессимистически оценивал перспективы войны между Советской Россией и Германией, нельзя обвинить в том, что они руководствовались при этом исключительно антисоветскими убеждениями и настроениями. Хотя к “поклонникам” коммунизма их также отнести нельзя. Видимо, скоротечные победы Гитлера, а главное – наши первоначальные неудачи, сыграли главную роль в таких оценках. Жизнь опрокинула прогнозы даже столь умудренных и проницательных деятелей, как Черчилль. В какой-то степени, не прямым, а косвенным ответом на эти прогнозы может служить мнение И. Дойчера, который подметил некую главную особенность созданной Сталиным системы власти и управления. Он писал: “Несмотря на все свои просчеты, Сталин отнюдь не был в состоянии неподготовленности, чтобы встретить развитие критической ситуации. Он солидно вооружил свою страну и реорганизовал ее вооруженные силы. Его практический ум не был связан преданностью какой-либо односторонней стратегической логике. Он не убаюкивал Красную Армию ложным чувством безопасности под защитой какой-либо разновидности линии Мажино, статическая система которой привела к уничтожению французской армии в 1940 году. Он мог полагаться на обширные российские пространства и суровый климат. Никто уже не мог теперь ставить под сомнение его лидерство. Он достиг абсолютного единства командования, что является желанной мечтой современных стратегов”³.

Огромная, можно сказать, неограниченная власть Сталина давала ему возможность принимать и осуществлять в максимально короткие сроки решения, на реализацию которых в другое время потребовалось бы большое время. Одной из таких задач была эвакуация промышленных предприятий, населения и сырьевых ресурсов в восточные районы, введение в строй действующих предприятий, эвакуированных на Урал, в Сибирь, среднеазиатские республики и в другие места.

В первые полгода войны из западных районов вывезли на восток оборудование более 1360 крупных промышленных предприятий, имевших первостепенное значение для обороны страны. Это было невиданное в истории перемещение людских масс и техники. Местные органы власти (партийные и советские) западных районов и областей, которым угрожало нашествие врага, в короткий срок организовали демонтаж, погрузку и отправку оборудования, нередко под сильным обстрелом противника. В целом была проведена колossalная работа, чтобы разместить эвакуированные предприятия на местах, наладить производство, обеспечить жильем десятки тысяч рабочих и служащих с семьями и т.д. Из прифронтовой зоны в предельно сжатые сроки во второй половине 1941 года на восток были перебазированы 2593 промышленных предприятия и более чем 10 миллионов человек. Одновременно в тыл перевозились запасы продовольствия, десятки тысяч тракторов и сельскохозяйственных машин, эвакуировались сотни научных институтов, лабораторий, библиотек, уникальные произведения искусства. Для перевозки были использованы около 1,5 млн. железнодорожных вагонов.⁴

Безусловно, с согласия Сталина или по его прямому указанию 24 июня при СНК создается Совет по эвакуации (А.Н. Косыгин, Н.М. Шверник). Именно на их долю выпала работа по практической реализации задач эвакуации. Американ-

² История второй мировой войны 1939-1945. М. 1975. Т.4. С.34.

³ Isaac Deutscher. Stalin. p. 451.

⁴ Вторая мировая война. Краткая история. М. 1984. С.127.

ский журналист А. Верт дает вполне объективную оценку мерам советского руководства по эвакуации промышленных предприятий и людских кадров на Восток: “Считало или нет Советское правительство в первые недели войны возможным, что немцы дойдут до Ленинграда, Москвы, Харькова или Донбасса, оно совершенно правильно решило не рисковать и приняло принципиальное постановление об эвакуации на восток всех важнейших предприятий, и особенно военной промышленности. Оно с самого начала знало, что это будет для СССР вопросом жизни или смерти в случае, если немцы захватят большие районы Европейской России.”

Эту эвакуацию промышленности во второй половине 1941-го и начале 1942 г. и ее “расселение” на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны⁵.

Столь быстрое и успешное решение задачи колоссальной трудности и важности, как перебазирование тысяч предприятий и миллионов кадров работников на Восток, явилось одной из важнейших предпосылок наших дальнейших успехов в Отечественной войне. Без решения этой задачи страна была бы неминуемо обречена на поражение, и это вряд ли можно серьезно оспорить. Особенно важно подчеркнуть следующий момент: по указанию Сталина в период первых пятилеток промышленные предприятия строились с таким расчетом, чтобы их в сравнительно короткие сроки можно было бы поставить на службу обороны страны, чтобы они выпускали военную технику, боеприпасы и т.д. Это был, вне всяких сомнений, дальновидный расчет Сталина, и этот расчет себя в полной мере оправдал.

Это обстоятельство вполне справедливо отметил сотрудник Военной академии тыла и транспорта П. Кнышевский в своей статье, опубликованной еще в середине 90-х годов. Он отметил, что Н.А. Вознесенский в своей книге о военной экономике выделял программу перестройки народного хозяйства. Основные мероприятия он свел к мобилизации по семи направлениям: производственных мощностей промышленности, рабочих и инженерно-технических кадров; материальных ресурсов сельского хозяйства и труда колхозного крестьянства; транспорта; строительных кадров и механизмов, рабочей силы (с переквалификацией) в промышленности; продовольственных резервов; средств населения и ресурсов народного хозяйства на финансирование войны; перестройки государственного аппарата. Но считать, что такая мобилизация началась именно с первого дня войны и продуктивно развивалась после создания ГКО и обращения Сталина к народу от 3 июля 1941 г. вряд ли верно.

Конструктивные детали этого механизма оттачивались с середины 20-годов, а передвойной они нашли выражение в указах Президиума Верховного Совета СССР: от 26 июня 1940 г. “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”; от 17 июля 1940 г. “О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях”; от 2 октября 1940 г. “О государственных трудовых резервах СССР”; от 19 октября 1940 г. “О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие”⁶.

⁵ Александр Верт. Россия в войне 1941–1945. М. 2003. С. 136.

⁶ “Вопросы истории”. 1994 г. № 2. С.53–54.

Конечно, задача перебазирования предприятий и масс людей на новые необжитые места была сопряжена со многими трудностями, которые по плечу было решить лишь стране, которая имела всесторонне развитую централизованную и надежно функционирующую систему управления. Конечно, главный фактор — это был поистине взрыв патриотизма всего народа, который нес на своих плечах неизмеримые тяготы. Большое организующее значение в налаживании производства военной продукции на востоке страны имел принятый по инициативе Сталина 16 августа 1941 года ЦК партии и Совнаркомом СССР военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 года и на 1942 год для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Планом предусматривалось значительное увеличение в восточных районах производства вооружения, боеприпасов, танков, самолетов, авиамоторов, чугуна, стали, цветных металлов, нефти, электроэнергии, добычи угля, реконструкция и расширение основных железнодорожных узлов, станций и путей.

Не беря на себя задачу описывать все трудности эвакуации и ввода в действие перемещенных предприятий, позволю себе сослаться на свидетельство вполне объективного в данном случае американского корреспондента А. Верта. Вот что он писал по этому поводу:

“Во время войны я имел возможность беседовать со многими рабочими и работницами, эвакуированными глубокой осенью или в начале зимы 1941 г. на Урал или в Сибирь. Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года, — это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости. В большинстве мест условия жизни были ужасающие, зачастую не хватало продовольствия. Люди работали, ибо знали, что это абсолютно необходимо, и они не отходили от станков по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки, они “жили на нервах”, они понимали, что никогда еще их работа не была так нужна. Многие надорвались и умерли. Все эти люди знали, какие потери несут войска, и, находясь в “глубоком тылу”, не очень роптали. В то время, когда солдаты подвергались таким страданиям и опасностям, гражданское население не имело права уклоняться даже от самой тяжелой, самой изнурительной работы. В разгар сибирской зимы некоторым приходилось ходить на работу пешком, иногда за пять, восемь, десять километров, потом работать по двенадцать часов или больше и опять возвращаться домой пешком — и так день за днем, месяц за месяцем.

Однако советская печать только изредка писала об особых трудностях, рожденных нехватками военного времени. Например, в постановлении правительства от 11 сентября 1941 г. подчеркивалась необходимость экономно расходовать сталь и железобетон и использовать их “лишь в тех случаях, когда применение других материалов технически недопустимо”. Поэтому многие заводские корпуса, особенно в 1941 г., строились из дерева”⁷.

Безусловной заслугой Сталина как главного руководителя страны было то, что он сумел создать эффективную и оперативно действующую систему руководства всеми сферами военной, экономической и других сфер жизнедеятельности страны, армии и флота. Между членами Государственного Комитета Обороны и членами Политбюро были распределены обязанности таким образом, что каж-

⁷ Александр Верт. Россия в войне 1941–1945. С. 140.

дый отвечал за какой-то или какие-то отдельные важные виды работы. Разумеется, все важные решения согласовывались со Сталиным и утверждались им лично. Все это давало возможность избежать излишней и порой неизбежной волокиты и т. п. препятствий. Некоторые полагают, что столь жесткое сосредоточение власти в одних руках сопряжено было с принятием в ряде случаев непродуманных и ошибочных решений. Конечно, не обходилось и без этого, но в целом такая система диктовалась потребностями самой жизни, и правильность ее подтверждалась также самой жизнью. В условиях войны, особенно на первых ее самых драматических этапах, иной стиль руководства представлялся бы крайне неэффективным.

Причем следует отметить исключительную требовательность, которую проявлял Stalin к руководящим работникам, отвечающим за военное производство. Так, нарком авиационной промышленности СССР А.И. Шахурин в своих воспоминаниях писал: "Это произошло вскоре после того, как я был назначен наркомом. Меня вызвал Stalin и, что называется с порога, как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстает это? Почему не делается то-то? И еще много разных «почему». Я настолько опешил, что еле вымолвил:

— Товарищ Stalin, вы, может быть, упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности.

И услышал в ответ:

— Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я ничего не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиапромышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Stalin не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других — требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия⁸.

Можно было бы привести десятки, если не сотни оценок Stalina как верховного руководителя не только вооруженных сил, но и всех важнейших отраслей жизни страны в целом. Я приведу обширную, но весьма содержательную оценку, принадлежащую тогдашнему наркому вооружений Д.Ф. Устинову, воспоминания которого уже не несли на себе следы хрущевской антistалинской кампании, поскольку вышли в самый разгар горбачевской перестройки.

Так вот, Д.Ф. Устинов свидетельствует: "Stalin обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего

⁸ А.И. Шахурин. Крылья победы. Воспоминания. М. 1990. С.92–93.

слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: «А что вы думаете по этому вопросу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?» Причем характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

Нередко на заседаниях, в ходе обсуждения острых проблем, ссыпался на В.И. Ленина, не раз рекомендовал нам почаще обращаться к его трудам. Ленинские идеи лежат в основе многих принятых ГКО в годы войны важнейших решений. Ленинская тональность явственно ощущается и в ряде выступлений И.В. Сталина на предвоенных и военных лет⁹.

Полагаю, что приведенные выше факты и свидетельства дают отражение реальной, а не вымышенной картины тех лет и тех дней. Но их критики Сталина или обходят молчанием, или причисляют их авторов к разряду рьяных сталинистов. Между тем, большей частью таких оснований нет, поскольку тот же Шахурик после войны подвергся репрессиям со стороны Сталина.

На мой взгляд, автор нескольких весьма содержательных книг о Сталине Ю. Емельянов имел все основания констатировать, что, возглавив Вооруженные Силы СССР в период кризиса доверия к военному руководству, Сталин остановил его развитие. Вряд ли кто иной в военных или политических кругах страны смог бы летом 1941 года взять ситуацию под столь уверенный и жесткий контроль. Остро болея за судьбу страны, он требовал от каждого военачальника сделать все, что было в его силах, для того чтобы остановить продвижение врага. Хотя на протяжении этого трагического периода войны он не раз обольщался ложными надеждами на то, что противника уже удалось остановить, его требовательность передавалась по тысячам цепочек команд и позволяла организовать самоотверженное сопротивление наступавшим захватчикам. Хотя порой планы обороны и контрударов, выбранные Сталиным, не всегда приносили нужные результаты, немецкие генералы вынуждены были признавать провал их расчетов на молниеносный разгром СССР.¹⁰

С первого дня войны по указанию Сталина проводились крупномасштабные мероприятия по переводу промышленности на военные рельсы. В указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июля 1941 г. предусматривалось введение трудовой повинности и регулирование работы промышленных предприятий. На следующий день начал действовать мобилизационный план по производству боеприпасов. 26 июня 1941 г. Верховный Совет СССР принимает указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»,

⁹ Д.Ф. Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М. 1988. С. 91–92.

¹⁰ См. Юрий Емельянов. Трагедия Сталина. 1941–1942. Через поражение к победе. М. 2006. С. 273.

вводивший сверхурочные работы. В декабре 1941 г. вступил в действие указ “Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий”, а 13 февраля 1942 г. – “О мобилизации для работы на производстве и в строительстве”. В соответствии с этими указами рабочие и служащие считались мобилизованными на период войны. В апреле 1942 г. мобилизация коснулась и сельских жителей. Основную часть мобилизованных составляли женщины. Утверждаются мобилизационные народнохозяйственные планы, ориентированные на увеличение выпуска военной продукции. 30 июня 1941 г. создается Комитет по распределению рабочей силы. Для обеспечения перевода экономики страны на военные рельсы в крупные промышленные центры и на оборонные предприятия направлялись уполномоченные ГКО и Госплана СССР. В целях ускорения ввода в действие объектов индустрии 11 сентября принимается постановление “О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени”.

Как отмечал председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, выполнивший колоссальную работу по организации военной промышленности, распределению ресурсов, рабочей силы и т.д. (его не без оснований некоторые считают одним из главных организаторов победы в сфере экономики), “это было очень трудное время. Промышленное производство в стране понизилось в 2,1 раза. Прокат черных металлов уменьшился за полгода войны в 3,1 раза, прокат цветных металлов в 430 раз, производство шарикоподшипников в 21 раз”¹¹. В дальнейшем, когда страна выстояла во многом благодаря самоотверженной работе тыла, масштабы и темпы роста нашей военной промышленности, как и экономики в целом, значительно возросли. Тот же Н. Вознесенский писал: “В истории военной экономики СССР 1943 год является годом коренного перелома, он характеризуется крупнейшими победами Советской Армии, укреплением и развитием военного хозяйства с резко выраженным особенностями расширенного воспроизводства. Значительно увеличилось производство всего совокупного общественного продукта по сравнению с 1942 г. Увеличилось производственное потребление, вырос народный доход, выросло личное потребление трудящихся и накопление, увеличились основные и оборотные фонды народного хозяйства.

В 1944 г., в течение которого советская земля была полностью очищена Советской Армией от гитлеровской нечисти, в военном хозяйстве СССР продолжалось нарастание процессов расширенного воспроизводства. Увеличение военных расходов в 1943–1944 гг. происходило наряду с абсолютным ростом производственного и личного потребления и накопления, а не за счет их абсолютного сокращения, как это было в 1942 г. В этом сказываются особенности расширенного воспроизводства на различных этапах периода военной экономики СССР¹².

Но все это еще было впереди, и трудно было заглянуть в столь отдаленное будущее. Отдаленное – потому, что каждый день войны можно приравнять к месяцу, а то и двум по своей напряженности, насыщенности, наконец, по своему значению. А Сталин, мысля стратегически и заглядывая вперед, как раз и ориентировал всю страну, чтобы она все силы отдавала фронту, максимально быстрыми темпами устранила временные трудности в работе всех отраслей промышленности с тем, чтобы мы своей мощью во всех решающих судьбы войны областях не уступали Германии. В этом наглядно проявлялось его умение заглянуть вперед,

¹¹ Н. Вознесенский. Военная экономика СССР. М. 1947. С. 42–43.

¹² Н.А. Вознесенский. Избранные произведения. 1931–1947. М. 1979. С. 496.

правильно наметить перспективы и думать о будущем даже тогда, когда судьбы страны подвергались немыслимым испытаниям, когда они висели буквально на волоске.

Объем его работы был колоссальным, что признают, по существу, все его биографы — от критически настроенных до откровенных апологетов, которые порой не желают считаться с суровыми фактами и не признают крупных ошибок и серьезнейших промахов Сталина во всей его деятельности, особенно во время войны. Сошлюсь в данном случае на Д. Волкогонова. Ведь его даже при большом желании трудно отнести к почитателям вождя. Вот его оценки. Во имя победы над фашистской Германией Stalin ежедневно трудился по 14–16 часов, находясь у себя в кабинете, рассматривая «множество самых различных оперативных, кадровых, технических, разведывательных, военно-экономических, дипломатических, политических вопросов. Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей»¹³.

И еще из той же книги: «В годы войны он практически не сидел за письменным столом. Дело в том, что в течение дня у Сталина проходили пять–семь заседаний и совещаний — ГКО, Ставки, с наркоматами, членами ЦК партии, работниками Штаба партизанского движения, руководителями разведки, конструкторами и т.д. Рассаживались за длинным столом, нередко только заканчивалось одно заседание, как Поскребышев впускал другую группу товарищей. «Конвейер» стал работать медленнее лишь в 1944 и 1945 годах, когда для всех стало ясно, что разгром оккупантов — дело времени»¹⁴.

Несомненно, роль Сталина как главного руководителя страны и Верховного Главнокомандующего особенно велика в первые, самые тяжелые месяцы войны. Ее не только трудно переоценить, но даже оценить по всем параметрам — настолько широка и многообразна она была как по своим масштабам, так и по своей значимости. Конечно, он был диктатором, и это едва ли всерьез можно поставить под сомнение. Однако именно эта диктаторская власть налагала на него не ограниченную ничем ответственность. Его власть диктатора, на мой взгляд, во многом уступала степени его ответственности как верховного руководителя страны. Stalin не имел возможности ни уклониться от этой ответственности, ни переложить ее на кого-либо другого. Его соратники — формально равноправные члены Политбюро и члены ГКО — в своих действиях в основном отражали и выражали его позицию и взгляды на самые важные вопросы. Это, разумеется, не значит, будто они лишь выступали в роли марионеток. С помощью марионеток нельзя было решать столь сложные и ответственные задачи, которые стояли перед страной. У них была и своя власть, и своя доля ответственности. Ведь и диктаторский режим не может обходиться без строгой регламентации власти и ответственности отдельных лиц.

Во втором томе уже приходилось цитировать слова Сталина в беседе с Черчиллем в августе 1942 года, что самыми тяжелыми и трудными в его государственной и политической деятельности были годы коллективизации. Но сдается мне, что в данном случае вождь лукавил, проявляя свойственный ему дар вводить собеседника в заблуждение, сохраняя при этом видимость полной искренности. Ведь во время коллективизации не стоял вопрос о жизни и смерти государства и со-

¹³ См. Д.А. Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. М. 1990, с. 285.

¹⁴ Там же. С. 340.

зданного в стране социалистического строя. Теперь же вопрос стоял совершенно по-иному: от того, выстоят ли советские войска в противоборстве со столь сильным и опытным противником, обольщенным к тому же лаврами побед в Европе, зависела судьба государства, в буквальном смысле жизнь ее народов, их физическое выживание. Гитлер не раз говорил об этом и отдавал соответствующие указания. Опасность, нависшая над страной и каждым ее гражданином, начиная с самого вождя и кончая самым простым рабочим и колхозником, в целом осознавалась всем населением страны, за исключением разве только неисправимых антисоветчиков, для которых ненависть к большевикам перевешивала чувства патриотизма и просто гражданского долга.

И сейчас, окидывая мысленным взором те годы, приходишь к выводу, что иная система, кроме созданной большевиками, при всех ее минусах и пороках, не смогла бы эффективно противостоять неимоверно тяжелым обстоятельствам. Соответственно, надо оценивать и роль Сталина, делая акцент не на его диктаторских полномочиях и власти, а на том, какие плюсы давали такие полномочия и власть. Важно подчеркнуть, что система функционирования высшего государственного и военного руководства, сложившаяся в годы войны (а начало ее формирования приходится на первые ее месяцы), главным архитектором которой, конечно, был сам Stalin, в жизни не была такой диктаторской и произвольной. Она не сковывала инициативы других, хотя противники Сталина всячески пытаются доказать обратное. Непосредственные участники и свидетели функционирования системы государственного и военного руководства почти единодушно говорят об обратном. Начиная с Жукова и кончая другими видными военачальниками. В соответствующих местах я буду иллюстрировать эту мысль конкретными примерами. Здесь же позволю себе сослаться на А.М. Василевского – одного из самых ярких и самых скромных советских военачальников периода войны. Вот его мнение о Сталине:

“...По моему глубокому убеждению, И.В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния”¹⁵.

Рискуя переборщить по части цитирования (а оно большей частью звучит гораздо убедительнее, нежели авторские рассуждения и доводы), приведу оценку бывшего во время войны начальником оперативного управления Генерального штаба С. М. Штеменко. Вот его свидетельства: “...Все принципиальные вопросы руководства страной, ведения войны решались Центральным Комитетом партии – Политбюро, Оргбюро и Секретариатом, а затем проводились через Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, а также через ГКО и Ставку ВГК. Для оперативного решения военных вопросов созывали совместные совещания членов Политбюро и ГКО, Политбюро и Ставки, а наиболее важные из них обсуждались совместно Политбюро, ГКО и Ставкой.

В области руководства военными действиями не попирался и принцип еди-

¹⁵ А. Василевский. Дело всей жизни. М. 1975. С. 540–542.

ноначалия — этот важнейший принцип военного строительства и управления войсками в мирное и военное время. Руководство операциями Вооруженных Сил в высшем звене находилось в руках только Ставки Верховного Главнокомандования. Но поскольку членами Ставки были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б) и лица высшего военного командования, она, таким образом, являлась коллективным органом верховой военной власти.

Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами — Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного Главнокомандующего. Были документы за подпись только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка «по поручению Ставки». Один Верховный Главнокомандующий оперативные документы, как правило, не подписывал, кроме тех, в которых он резко критиковал кого-либо из лиц высшего военного руководства (Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются). Подписывались им единолично только различного рода приказы, главным образом административного характера¹⁶.

Сложившаяся в первые месяцы войны ситуация была более чем критической. Естественно, что обстановка и практическое решение неизмеримо трудных задач первого этапа войны требовали от всех советских людей, начиная с самого Сталина, предельного напряжения всех духовных и физических сил. Вполне понятно, что вся работа не только на фронте, но и в тылу проходила в крайне напряженной обстановке, чреватой острыми, критическими ситуациями, а порой и отчаянным положением на фронте, в условиях жесточайшей нехватки времени, жесткой ограниченности резервов. Обстановка почти беспрерывно требовала от всех — начиная с младших командиров и начальников разного рода производств — незамедлительных действий и безотлагательного принятия решений, полного самообладания, жесткой требовательности и неустанного контроля за важнейшими звеньями военного и государственного аппаратов, отсутствия всякого подобия паники. По существу, все соприкасавшиеся со Сталиным по работе, отмечают, что ему были присущи неизменное сохранение выдержанки и верности служений в наиболее опасных и затруднительных обстоятельствах.

Неоспоримая заслуга Сталина заключается прежде всего и главным образом в том, что он в такой судьбоносный период истории нашей страны, как Великая Отечественная война, сумел неотступно и твердо лично контролировать и направлять важнейшие процессы, происходившие на фронте, в стране, в сфере внешней политики, жестко и повседневно отслеживать и компетентно направлять деятельность важнейших структур государственной машины. И в мирные времена, а во время войны в особенности, он железной рукой добивался четкой исполнительности от всех звеньев государственной и военной машины страны. Сам же он трудился не щадя себя, чуть ли не до полного физического изнеможения, столько, сколько хватало сил. И даже больше! Сам исторический момент диктовал необходимость именно такого подхода. Пусть кому-то он сейчас и покажется жестоким и бесчеловечным. Но на карте стояло все, и прежде всего — судьба советского народа, судьба страны. Сама чрезвычайная обстановка требовала чрезвычайных мер. Так что дело не в характере или личных свойствах Сталина как личности, а в исторической неизбежности использования самых эффективных, подчас жестких и суровых мер. Личные же качества вождя лишь накладывали свой, при-

¹⁶ С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Книга 2. С.258—259.

чем неповторимый, отпечаток на все решения и действия высшего руководства государства.

Приведенные выше материалы и мои собственные размышления и оценки позволяют читателю хотя бы в самой общей форме, хотя и несколько схематично, представить себе роль Сталина и исключительно важное значение его деятельности во время войны, в первую очередь в ее начальный период, о котором идет речь в данной главе.

2. Крупные оборонительные операции и сражения

Приграничные сражения

23–29 июня в р-не Луцк, Броды, Ровно, Дубно произошло крупное танковое сражение. Контрудар Юго-Западного фронта сыграл важную роль в срыве попыток войск вермахта прорваться сюда к Киеву и его замысла по окружению главных сил Юго-Западного фронта на Правобережной Украине. По приказу Ставки с 30 июня войска Юго-Западного фронта начали отход на линию укрепленных районов по старой государственной границе для организации на ней упорной обороны. Но эти усилия не увенчались успехом. Наши войска вынуждены были отходить на новые рубежи. В целом приграничные сражения завершились отходом войск Северо-Западного фронта. Однако 11 дивизий Западного фронта оказались в окружении между Белостоком и Минском, где вели бои до 8 июля, сковав здесь около 25 дивизий противника. Мужественная борьба советских войск прикрытия в первую неделю войны сорвала замысел Гитлера уничтожить Красную Армию в западных районах до рубежа Западной Двины и Днепра. Это дало возможность провести мобилизацию военнообязанных запаса и осуществлять выдвижение войск 2-го стратегического эшелона. В начале июля войска Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов продолжали вести ожесточённые оборонительные бои, которые с подходом войск 2-го стратегического эшелона 7–10 июля переросли в крупные оборонительные операции и сражения.

Как отмечается в солидном исследовании истории Великой Отечественной войны, в целом летне-осенняя кампания 1941 г. носила в основном оборонительный характер. На всех стратегических направлениях инициатива в этот период находилась в руках противника, хотя советское командование пыталось организовать повсеместное наступление и изменить ход войны. Но в те дни это была непосильная для советских войск задача. В этом был очередной просчет военно-политического руководства страны, которое должно было принять решение о немедленном переходе к обороне и создании в глубине страны, на выгодных естественных рубежах, сплошного оборонительного фронта. Но момент был безвозвратно упущен. Не увенчались успехом и попытки остановить врага, предпринятые летом 1941 г. на ряде участков фронта. Только под Смоленском удалось на некоторое время заставить противника перейти к обороне. Тем не менее даже в этих крайне неблагоприятных условиях на многих участках огромного фронта советским войскам удавалось в течение длительного времени надежно оборонять занимаемые ими рубежи (под Смоленском, Ленинградом, Киевом, Одессой, Севастополем и др.), хотя со стратегической точки зрения это не всегда было целесообразно. Так, запоздалые решения Верховного Главнокомандования

на отвод войск из Белоруссии (в июне) и из-под Киева (в сентябре) привели к окружению и разгрому крупных группировок, что повлекло за собой потерю огромной территории с жизненно важными для страны промышленными и сельскохозяйственными районами.¹⁷

Смоленское сражение (июль – сентябрь 1941 года)

Главной военно-стратегической целью смоленского оборонительного сражения было не допустить стремительного продвижения немецких войск к Москве. Вполне понятно, что председатель ГКО уделял этому участку особенно пристальное внимание.

На западном направлении немецко-фашистская группа армий “Центр” 10 июля начала наступление на Смоленск. Ей противостояли не успевшие организовать прочную и глубокую оборону главные силы Западного фронта, значительно уступавшие противнику в силах и средствах (в танках в 7 раз, в артиллерии в 2,4 раза, в самолётах в 4 раза). Две мощные немецкие танковые группы форсировали Днепр. К началу Смоленского сражения вследствие ошибок в планировании, огромного объема намеченных мероприятий при ограниченных сроках на их осуществление создать сплошной и устойчивый фронт обороны советское командование не сумело. Оборону успели занять лишь 37 дивизий из 66. Причем всего 24 дивизии располагались в первом эшелоне армий. После ожесточенных боев 19-я армия разрозненными группами устремилась на восток. Этим немедленно воспользовался противник, который 15 июля перехватил восточнее Смоленска железнодорожную и автомобильную магистрали, ведущие к Москве; одновременно немецкая моторизованная дивизия захватила левобережную часть Смоленска. В результате в районе Смоленска оказались охваченными с трех сторон три наших армии – 16, 19 и 20-я. Для отхода на восток им оставалась одна единственная переправа через Днепр. В тот же день маршал Тимошенко докладывал в Ставку: “Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное – нет танков”. В ходе Смоленского сражения наиболее отличившимся соединениям впервые в Красной Армии присвоено наименование гвардейских. Несмотря на большие потери, врагу удалось 16 июля захватить Смоленск. Контрудары 22-й армии под Витебском и Великими Луками, 21-й армии под Рогачёвом и Жлобином, 20-й армии под Оршей и Красным, 16-й армии под Смоленском и других сковали силы врага, который понёс большие потери. В конце июля усилиями войск Западного фронта ударная немецкая группировка была остановлена, и немецко-фашистская группа армий “Центр” 30 июля перешла к обороне.

Следует особо подчеркнуть, что сами немецкие генералы вынуждены были признать, что Смоленское сражение явилось для гитлеровской армии ощутимым ударом, хотя в масштабах всей кампании оно занимало отнюдь не решающее значение. Так, начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г. Блюментритт, характеризуя первые серьезные сражения, в которых немцы, наконец, почувствовали, что война в России – это отнюдь не прогулка по странам Западной Европы, признавал: “Самым значительным из них было сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских войск. В то время как основная масса двух танковых групп, отражая атаки русских на флангах, продолжала

¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 464–465.

движение на восток, небольшие силы были выделены для усиления восточной стороны Смоленского котла. Две полевые армии после изнурительного марша, наконец, опять догнали танковые соединения. Они удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцево. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток. Танковые войска не подходили для проведения такой операции, особенно на болотистой местности, прилегающей к Днепру»¹⁸.

С самого начала войны (собственно, велась заблаговременно) немцы развернули широкомасштабную пропаганду, нацеленную на разложение советской армии и населения страны. Причем, эта пропаганда отличалась особой лживостью и распространялась посредством прежде всего листовок. Основные мотивы гебельсовской пропаганды были разработаны еще до начала военных действий против Советского Союза: «...никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусскую армию); против Сталина и его еврейских приспешников; земля – крестьянам... Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий...»

Характерная особенность «окопных» листовок – практически все они служили одновременно пропуском для добровольного перехода бойцов и командиров РККА на сторону германских войск. Текст пропуска на русском и немецком языках особо очерчивали в листовке.

В эпицентре немецкой пропаганды стояла фигура Сталина. В одной из листовок привычная аббревиатура «СССР» расшифровывалась как «Смерть Сталина Спасет Россию». Тут же карикатура: пролетарский молот ударяет Иосифа Висарионовича по голове, а крестьянский серп приставлен к его шее.

В другой листовке карикатурный Сталин с хищническим оскалом строгает гробы, на гробах – номера погибших дивизий и армий. Подпись под рисунком: «Батюшка Сталин заботится о своих дивизиях...». Кстати, 16 июля 1941 г. восточнее Витебска был взят в плен старший сын Сталина – командир батареи артиллерийского полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Я.И. Джугашвили. Позднее он погиб в немецком концлагере. По свидетельству очевидцев, Яков и там проявил себя достойным человеком и патриотом.¹⁹ Для германских пропагандистов это стало настоящей удачей. В срочном порядке была изготовлена листовка, озаглавленная «А вы знаете, кто это?», где были помещены фотографии Якова в окружении немецких офицеров. В целом, как отмечают советские военные историки, нацистская «пропаганда разложения» приносила определенные плоды в период наиболее тяжелого положения советских войск, особенно в 1941–1942 годах. Но ее действенность значительно поубавилась в 1943 году, а с завершением коренного перелома в войне и массовым отступлением частей германской армии по всему фронту – и вовсе стала ничтожной.²⁰

Когда немцы полностью овладели Смоленском, Сталин был вне себя, ибо он прекрасно отдавал отчет в том, что падение Смоленска открывает немцам дорогу на Москву. Неблагоприятное развитие событий на многих участках фронта, особенно на западном направлении, побудили Сталина прибегнуть к ме-

¹⁸ З. Вестфал, В. Крайпе, Г. Блюменритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантельфель. Роковые решения. (Электронный вариант).

¹⁹ См. Великая Отечественная война 1941–1945. Книга I. С. 171–172.

²⁰ «Независимое военное обозрение». 17 июня 2005 г.

рам репрессивного характера, которые, как он, видимо, полагал, могут встreichнуть всю Красную Армию, и прежде всего ее руководство на фронтах. 16 июля 1941 г. Сталин издал приказ, в котором, в частности, говорилось: "...Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого, Государственный Комитет Обороны, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

- 1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;
- 2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;
- 3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;
- 4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова..." и ряд других командиров и начальников.²¹

После короткого и поверхностного расследования Павлов и ряд других руководителей Западного фронта были расстреляны. Проведенная уже через десять с лишним лет проверка показала, что эти лица репрессированы необоснованно. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков были реабилитированы: приговор отменен и дело на них за отсутствием состава преступления производством прекращено. В документе подчеркивалось, что прорыв германских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован осужденным как воинское преступление, так как это произошло по независящим от них обстоятельствам.²²

Этот приказ Сталина, конечно, сыграл определенную роль в попытках предотвратить поспешное отступление, стал серьезным предостережением для других. Однако репрессии как осуществление определенной линии в условиях войны, конечно, не могли дать сколько-нибудь существенных результатов.

Еще более суровым был приказ от 16 августа 1941 г. "О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий". Приведя в приказе ряд фактов сдачи в плен генералов Красной Армии, приказ, подписанный как Сталиным (в качестве председателя ГКО), так и рядом маршалов, констатировал: эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том,

²¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. С. 501–502.

²² "Военно-исторический журнал". 1992 г. № 4/5. С. 19–22.

что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию, загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.²³

Приказ завершался следующими чрезвычайно суровыми мерами, которые предписывали:

“1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия, дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертирам.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте,

²³ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. С. 503–504.

выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах”²⁴.

Я не стану рассуждать о том, насколько оправданы были подобные приказы Сталина. В данном случае сошлюсь на точку зрения авторов книги о Сталине как полководце. Их точка зренияозвучна и моей личной позиции, поэтому я и приведу ее и как выражение моей собственной точки зрения. “Сейчас находятся авторы, которые обвиняют Сталина в жестокости, излишних жертвах во время войны. В этих целях идет спекуляция на приказе № 270 от 16 августа 1941 года, подписанном от имени Ставки Верховного Главнокомандования Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым и Жуковым. Особенно нагнетаются разного рода толки вокруг приказа № 227 от 28 июля 1942 года наркома обороны Сталина, известном больше как приказ «Ни шагу назад!».

Быть может, с точки зрения сегодняшнего читателя, – пишут авторы, – эти меры и документы покажутся безжалостными, несправедливыми. Однако их надо оценивать с позиций не сегодняшнего дня, а с позиций того сурового времени, когда гитлеровцы, несмотря на большие потери, прорвались в глубь страны. В приказе прозвучала грозная и беспощадная правда о положении, создавшемся на данном критическом рубеже войны, величайшая озабоченность Сталина утратой огромной части ресурсов страны, необходимых для продолжения борьбы, требование добиться коренного перелома в ходе войны, отстаивать каждую пядь родной земли, идти на жертвы ради спасения отечества и решительно пресекать любые проявления паники, безответственности, разгильдяйства”²⁵.

Конечно, солидаризируясь с авторами приведенного отрывка, хочется заметить, что, как ни суровы законы войны, они отнюдь не дают основание использовать суровые репрессивные меры в качестве главного средства организации сопротивления противнику и войны с ним. Объективный анализ всей совокупности событий Великой Отечественной войны и деятельности Сталина в этот период дает основание полагать, что столь суровые меры предпринимались им в исключительных случаях, когда обстановка становилась более чем критической. И в таких условиях они были оправданы и обоснованы. В дальнейшем Stalin как Верховный Главнокомандующий, очевидно, понял, что применять в масштабах всей армии исключительно суровые меры было бы крупной ошибкой. Видимо, уроки, извлеченные им из чисток 30-х годов, пошли ему впрок. Разумеется, это не значит, что из жесткого человека он превратился в своего рода размазню. Нет, конечно. Жесткость всегда была его отличительной чертой. Но не ею одной он руководствовался. Здравый ум и широкий политический и исторический кругозор помогали ему избегать крайностей в период войны. Исключая, разумеется, первые ее периоды.

Причем, давая далеко не однозначную оценку приказам и распоряжениям Верховного относительно отношения к советским военнопленным, многие из которых оказались там отнюдь не по своей вине или трусости, а в результате реально сложившейся обстановки и вообще общей неразберихи, царившей особенно в первые недели войны, следует сказать, что и к собственному сыну он относился так же, как и к другим попавшим в плен. Широко распространена версия, со-

²⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга I. С. 504.

²⁵ Б. Соловьев, В. Суходеев. Полководец Сталин. С. 219.

гласно которой во время войны немцы через посредство Международного красного креста пытались договориться со Сталиным об обмене его сына Якова на фельдмаршала Паулюса. Stalin на это предложение ответил фразой, ставшей своего рода легендой: "Маршалов на солдат я не меняю". Жуков в своих воспоминаниях писал о том, что Stalin тяжело переживал плен своего сына, был уверен в том, что немцам никогда не удастся склонить его к измене и что его, очевидно, ждет печальная участь.

Вот как излагает Жуков весь этот разговор, который состоялся уже в конце войны:

"За четырехлетний период войны И. В. Stalin основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941–1942 годов. Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье. Во время прогулки И. В. Stalin неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом он сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить. На обратном пути я спросил:

— Товарищ Stalin, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Stalin долго молчал, не притрагиваясь к еде.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией"²⁶.

Так что в какой-то избирательности в подходах к данному вопросу Сталина упрекать нельзя: он глубоко верил в то, что все должны подчиняться общим законам и правилам в период войны, ибо без соблюдения этого наступит хаос и неразбериха. Что же касается суровости мер, применявшихся им, особенно в первый период войны, то без них едва ли можно было обойтись. Без них поражение в войне, возможно, явилось бы вовсе не исключенным. Война навязывает всем, в том числе и народам, свою жестокую логику, и ее никак нельзя игнорировать.

Но вернемся к краткому описанию хода смоленского сражения.

Советские военные историки отмечают следующие ключевые моменты. Несмотря на все усилия, выполнить задачу по разгрому противника в районе Смоленска войска Западного фронта так и не смогли. Хотя, как отмечалось выше, сами немецкие военачальники характеризуют это сражение двояко. Но тем не менее, нашим войскам не удалось перейти в контрнаступление, а разрозненные удары, к тому же на широком фронте, оказались малоэффективными. Однако и

²⁶ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 316–317.

эти удары лишили войска группы армий «Центр» маневра в сторону флангов — на Украину и Ленинград, что облегчило положение советских войск на юго-западном и северо-западном направлениях. Смог улучшить положение и Западный фронт: своими ударами он на какое-то время отвлек противника от окруженных в районе Смоленска войск. К 1 августа группа Рокоссовского и войска 16-й и 20-й армий одновременным наступлением навстречу друг другу прорвали кольцо окружения. После шестидневных кровопролитных боев части этих армий наконец-то соединились с главными силами фронта.

В ходе боев под Смоленском наш Западный фронт понес серьезные потери. К началу августа в его дивизиях оставалось не более чем по 1–2 тыс. человек. По данным противника, только в июле в плен было захвачено 184 тыс. красноармейцев.

Ожесточенное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь группы армий «Центр». Она оказалась скованной на всех участках фронта. Фельдмаршал Бок писал в те дни: «Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы».

В ходе сражения наглядно проявился просчет политического и военного руководства Германии — в оценке способности советских войск к сопротивлению. Несмотря на крупные потери и тяжелейшие бои в окружении, части продолжали сражаться «ожесточенно и фанатично», как докладывали в Берлин сами немецкие генералы. Главная цель кампании — уничтожение армии русских — оставалась незавершенной.

И хотя сил было еще довольно много, вести наступление одновременно на всех трех главных направлениях вермахт уже не мог. Вот почему 30 июля Гитлер подписал директиву № 34, согласно которой группа армий «Центр» должна была перейти к обороне. По приказу фюрера основные усилия вермахта в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств на центральном участке фронта были перенесены на фланги. В августе в первую очередь намечалось продолжать наступление с целью уничтожения советских войск на Украине, а также совместно с финскими войсками блокировать Ленинград.²⁷

Смоленское сражение развивалось поэтапно, но мы не будем вдаваться в детали. Отметим главное: его главным итогом был срыв планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на своем главном направлении, в результате чего Ставка ВГК выиграла время для совершенствования стратегической обороны на московском направлении и подготовки резервов.

Смоленское сражение потребовало огромных усилий и огромных жертв с нашей стороны — безвозвратные потери составили 486 171 человек, а число раненых — 273 803 человека. Значительными были и потери противника. По признанию самих немцев, к концу августа только моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава и материальной части, а общие потери составляли около полумиллиона человек. Эти цифры говорят сами за себя: теперь

²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. С. 179–180.

уже советские войска сражались с немецко-фашистскими на равных. В ходе этого сражения Красная Армия приобрела опыт, без которого нельзя было воевать против сильного врага.²⁸

Драматически развивались события на юго-западном направлении, том направлении, которое Сталин считал накануне войны главным стратегическим направлением будущего наступления гитлеровской Германии. Если коротко обозначить основные вехи событий, то они развивались следующим образом. На юго-западном направлении советские войска в июле – сентябре в кровопролитных боях сдерживали натиск немецко-фашистской группы армий “Юг”. Германское верховное командование надеялось ударами во фланг и тыл основным силам Юго-Западного и Южного фронтов уничтожить одну из наиболее крупных группировок советских войск и прорваться к главным промышленным районам Украины, а затем они ставили своей задачей овладеть нефтяными источниками Кавказа. К середине июля развернулись оборонительные бои с войсками, наступавшими на Киев, южнее Полесья. Используя разрыв шириной в 60 км между 5-й армией и войсками, прикрывавшими Киев, часть сил 1-й немецкой танковой группы прорвалась на подступы к Киеву. Для захвата Киева немецко-фашистское командование выделило 6-ю армию. Однако нашим войскам удалось остановить наступление противника на Киев. Южнее Киева, на фронте от Бердичева до Днестра, войска 1-й немецкой танковой группы 16–17 июля прорвались в р-н Белой Церкви, 17-я армия продвинулась на жмеринском направлении, а 11-я немецкая армия форсировала р. Днестр в р-не Могилёва-Подольского. Контуры советских войск на несколько дней задержали продвижение врага, однако к началу августа ему удалось в р-не Умани окружить 6-ю и 12-ю советские армии. Одновременно войска 4-й румынской армии прорвали оборону 9-й советской армии на Днестре, севернее Тирасполя. Отсечённые от главных сил Южного фронта, левофланговые соединения 9-й армии образовали Приморскую группу войск (позже Отдельная Приморская армия). Выйдя в начале августа к Днестру в полосе Юго-Западного фронта, немецкие войска повернули значительные силы на Юг, во фланг и тыл Южному фронту. Советские войска были вынуждены к 19 августа отойти за Днепр, ведя оборону от Никополя до Херсона. Отдельная Приморская армия отступила к 10 августа на Юг, к Одессе. Началась героическая Одесская оборона 1941 (5 авг.–16 окт.), в ходе которой наши войска сковали свыше 18 румынских и немецких дивизий и нанесли им тяжёлые потери.

25 августа войска немецкой группы армий “Юг” овладели Днепропетровском и вышли к Запорожью. Сталин переоценил боевые возможности истощённых длительными боями войск Юго-Западного фронта, поставив перед ними задачу удерживать рубеж Днепра и отклонив просьбу командования фронта об отводе войск за Днепр. Немецким войскам удалось в середине сентября ударами двух танковых групп окружить войска Юго-Западного фронта восточнее Киева. 19 сентября советские войска оставили Киев. Это поражение тяжело отразилось на положении советских войск всего южного крыла советско-германского фронта. В конце сентября – начале октября немецко-фашистская группа армий “Юг” нанесла превосходящими силами ряд ударов по не успевшим закрепиться войскам Юго-Западного и Южного фронтов. После тяжёлых и упорных боёв в октябре – ноябре 1941 г. советские войска были вынуждены оставить Донбасс. Врагу удалось прорваться в Крым, но здесь он был остановлен героическими защитни-

²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга I. С. 183–184.

ками Севастополя, которые сковали 11-ю немецкую армию и не позволили использовать её ни для удара на Кавказ, ни для поддержки 1-й танковой армии, наступавшей на Ростов.

Эту общую картину следует дополнить важными деталями, характеризующими поведение Сталина и его тщетные попытки задержать наступление немецких войск, сковать здесь их силы, чтобы не дать возможности использовать их для достижения главной цели – стремительного наступления на Москву. Конечно, решения и поступки Сталина в этот период были продиктованы прежде всего стремлением как можно дольше удерживать позиции, в частности не сдавать Киев. Падение Киева в его глазах, да и в глазах всего советского народа, всей армии рассматривалось как крупнейшее поражение Красной Армии, как ее явная неспособность противостоять натиску противника. Однако благие пожелания – это отнюдь не инструмент ведения войны. Stalin предпринимал все меры, вплоть до самых суровых угроз в адрес командования Юго-Западного фронта, чтобы не допустить отвода советских войск на левый берег Днепра.

В данном контексте более чем красноречиво звучит телеграмма, отправленная им Н. Хрущеву, бывшему тогда членом Военного совета ЮЗФ. Вот ее дословный текст:

**“ТЕЛЕГРАММА ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ О ЗАЩИТЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА”**

11 июля 1941 года

Киев т. Хрущеву

Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРОв на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин”²⁹.

Надо полагать, что Н. Хрущев на всю жизнь запомнил эту телеграмму. Можно предположить, что данный факт, как и ряд других, послужил одной из побудительных причин, лежавших в основе широкомасштабной кампании по развенчанию Сталина в середине 50-х годов, развернутой Н. Хрущевым.

Любопытные детали ситуации, которая развивалась вокруг положения на Юго-Западном фронте, излагает в своих воспоминаниях Жуков. Они красноречивее всяких авторских описаний и комментариев передают атмосферу тех дней и поведение Сталина в этой сложной ситуации. 29 июля 1941 г. Жуков как начальник Генерального штаба был принят Сталиным и доложил ему как об общей ситуации, так и о положении на юго-западном направлении. Предоставим слово Жукову. Он докладывал Сталину в присутствии Л.З. Мехлиса – одного из ближайших помощников Сталина, ранее работавшего в его личном секретариате, а затем некоторое время начальником Главного политического управления РККА. Жуков писал:

“– На московском стратегическом направлении немцы в ближайшее

²⁹ “Известия ЦК КПСС”. 1990 г. №7. С. 209.

время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них нет здесь крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий "Центр".

На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий "Юг".

Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направления на Унечу — Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

— Что вы предлагаете? — насторожился И. В. Сталин.

— Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счет западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, — спросил И. В. Сталин, — считаете возможным ослабить направление на Москву?

— Нет, не считаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через 12–15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Л. З. Мехлис.

Я не ответил и продолжал:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий. Они будут нашим кулаком и действовать по обстановке.

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил И. В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова: "Сдать Киев" для всех советских людей и, конечно, для И. В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и на мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

— Киев придется оставить, — твердо сказал я. Наступило тяжелое молчание... Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее.

— На западном направлении нужно немедля организовать контрудар с целью ликвидации ельминского выступа фронта противника. Ельминский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? — вспылил И. В. Сталин и вдруг на высоких тонах бросил:

— Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что я, как начальник Генерального штаба, способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

— Вы не горячитесь, — заметил И. В. Сталин. — А впрочем... Если вы так ставите вопрос, мы сможем без вас обойтись...

— Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и способы ведения войны, убежден в ее правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

— Идите работайте, мы вас вызовем.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем.

А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В Действующей армии вы принесете немалую пользу. Естественно, что вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

— Куда прикажете мне отправиться?

— А куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь! Вы вот тут докладывали об организации операции под Ельней. Ну и возьмитесь лично за это дело.

Затем, чуть помедлив, Сталин добавил:

— Действия резервных армий на Ржевско-Вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час.

— Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

— Разрешите отбыть?

— Садитесь и выпейте с нами чаю, — уже улыбаясь, сказал И. В. Сталин, — мы еще кое о чем поговорим³⁰.

Приведенный выше пассаж интересен не только под углом зрения отношений Сталина с высшими военачальниками, и особенно с Жуковым. Сошлюсь здесь на воспоминания А. Т. Рыбина, работавшего в отделе охраны членов руководства. Его воспоминания весьма противоречивы и не всегда вызывают доверие. Однако как вспомогательный источник они могут быть использованы, учитывая сказанное о них. Определенную ценность представляет и то, что Рыбин ссылается не только на свои собственные воспоминания, но и на то, что ему рассказывали его сослуживцы — сотрудники личной охраны Сталина и другие лица из органов безопасности, прикрепленные к руководителям.

“Взаимоотношения Сталина с Жуковым во время войны были сложными и никем из историков не разгаданы.

Сталин умный, хитрый, жесткий, сдержаный с подчиненными, тем более с командующими фронтами и простым народом.

³⁰ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 357–359.

Жуков резкий, порывистый, допускавший грубости с подчиненными, в том числе с Верховным Главнокомандующим...

Сталин относился к Жукову, как отец к сыну, нередко его банил, но и многое прощал, усматривая в нем талант военачальника..."

Ссылаясь на сотрудника для поручений, состоявшего при Жукове, Рыбин приводит такой эпизод, характеризующий отношения между Сталиным и Жуковым.

"4 декабря 1941 г. Жуков проводил совещание в бомбоубежище штаба с командующими армиями фронта, ставил задачи перед комсоставом на период контраступления.

В это время позвонил Stalin. Жуков находился в напряжении. Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало скорую. Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: "Передо мной 4 армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там в Кремле можете расставлять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне никогда этим заниматься".

Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной браны, а затем бросил трубку на рычаг... Stalin после этого не звонил сутки. Позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил: "Товарищ Жуков, как с Москвой?" "Москву я не сдам".

Stalin: "Тогда я пойду отдохну пару часов".

Вспоминает друг семьи Жуковых Людмила Лактионова: "Жуков по этому поводу позднее при мне заявил: "Он пойдет "отдохнет, а я тут не сплю несколько ночей".

И Рыбин далее продолжает: "Жукова порой заносило высокомерие, и он терял над собой контроль. Что значит, он не сдаст Москву? Ставка на Западный фронт перебросила с Урала и Сибири, Казахстана 39 дивизий и 42 бригады. Без них даже золотой Жуков неизбежно померк бы навсегда"³¹.

Конечно, все эти детали и нюансы весьма относительны. Мне лично кажется, что едва ли даже такой вспыльчивый и несдержаный человек, как Жуков, мог позволить себе в таком тоне вести разговор со Сталиным. Это – явные преувеличения так называемых очевидцев и других свидетелей. Что он мог серьезно возразить Сталину – это не вызывает сомнений, поскольку и другие военачальники приводят примеры того, как они вступали в спор со Сталиным. Но эти споры всегда имели свои границы, которые считались незыблемыми. Да и трудно представить себе, чтобы Stalin мог позволить говорить с собой в таком ключе.

Между прочим, Stalin 5 декабря 1941г. не мог спрашивать у Жукова о судьбе Москвы. Тогда уже успешно развивалось московское сражение и гитлеровцы повсеместно отступали и угрозы для Москвы уже не было. Здесь, очевидно, перепутаны месяцы – подобный разговор, о котором я еще упомяну ниже, состоялся в один из дней ноября, а не в декабре.

Приведенные мною детали позволяют сделать простой вывод: Stalin в вопросах военного руководства проявлял в начальный период войны больше упрямства, чем потом. Он тоже учился на своих ошибках: стремился быть самокритичным, извлекать уроки из поражений и, соответственно, умел делать надлежащие выводы.

Однако такие его ошибки, как в вопросе о сдаче Киева и организованном

³¹ А.Т. Рыбин. Stalin и Жуков. М. 1994. С. 20, 22–23.

отступлении наших войск, против чего он вначале категорически возражал и из-за чего было упущено время и дело окончилось катастрофой, носили чрезвычайно серьезный характер. Помимо объективных причин наших неудач на юго-западном направлении, упрямство и упорство Сталина сыграли роковую роль. И здесь, как говорится, ничего не изменишь — такова правда истории, а ее надо уважать.

Вообще надо сказать, что становление Сталина как военачальника, как Верховного главнокомандующего проходило в процессе самой войны, ибо только на практике могли проявиться и развиться присущие ему черты, которые выражались прежде всего в широте стратегического мышления, умении быстро и объективно оценивать ситуацию, отделять главное от второстепенного, концентрировать усилия на достижении поставленной цели. Этот процесс проходил сложно, и его результаты сказывались не сразу. Однако характерно, например, что, наряду с принятием суровых, подчас весьма жестоких мер, Stalin все больше убеждался в том, что одними только жесткими мерами решить стоявшие проблемы невозможно. В данном контексте очень примечателен его приказ, отданный в самый разгар битвы за Москву. В нем Stalin сделал акцент на важности воспитательной работы среди советских воинов, без чего трудно было рассчитывать на раскрытие всех потенциальных возможностей советских воинов. Приказ, имевший весьма многозначительное (особенно в устах Сталина) название “О ФАКТАХ ПОДМЕНЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ РЕПРЕССИЯМИ” подчеркивал:

- а) метод убеждения неправильно отодвинули на задний план, а метод репрессий в отношении подчиненных занял первое место;
- б) повседневная воспитательная работа в частях в ряде случаев подменяется руганью, репрессиями и рукоприкладством;
- в) заброшен метод разъяснений и беседы командиров, комиссаров, политработников с красноармейцами и разъяснение непонятных для красноармейцев вопросов зачастую подменяется окриком, бранью и грубостью;
- г) отдельные командиры и политработники в сложных условиях теряются, впадают в панику и собственную растерянность прикрывают применением оружия без всяких на то оснований...

В приказе особо отмечалось, что необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политко-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника.

Учитывая все это, Stalin как нарком обороны приказал:

“1. Восстановить в правах воспитательную работу, широко использовать метод убеждения, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями.

2. Всем командирам, политработникам и начальникам повседневно беседовать с красноармейцами, разъясняя им необходимость железной воинской дисциплины, честного выполнения своего воинского долга, военной присяги и приказов командира и начальника. В беседах разъяснять также, что над нашей Родиной нависла серьезная угроза, что для разгрома врага нужны величайшее самопожертвование, непоколебимая стойкость в бою, презрение к смерти и беспощадная борьба с трусами, дезертирами, членовредителями, провокаторами и изменниками Родины.

3. Широко разъяснять начальствующему составу, что самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающая звание воина Красной Армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира и политработника.

4. Самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов.

Приказ объявить всему начальствующему составу Действующей армии до командира и комиссара полка включительно”³².

Тем, кто неустанно кричит о том, что победа в войне была достигнута во многом благодаря суровым репрессиям, к которым прибегал Сталин, путем беспощадных мер борьбы с трусами, дезертирами, изменниками и т. д., этим людям полезно было бы вчитаться в слова данного приказа и понять, что с помощью репрессий и угроз такую войну выиграть было просто невозможно. Но что суровые, порой жестокие приказы Сталина, как говорится, имели место – тоже неоспоримый факт. Именно из такого, порой чрезвычайно сложного и запутанного клубка противоречий и складывались методы руководства, применявшиеся Сталиным. Оговоримся сразу же – речь идет главным образом о первом этапе войны, когда наша армия терпела поражение и отступала под натиском войск вермахта.

Оборона Ленинграда стала одной из ярких страниц истории Великой Отечественной войны. Вместе с другими оборонительными и наступательными операциями наших войск на других участках фронта борьбы против гитлеровской агрессии она стала важным вкладом в общую копилку победы. Она, как и другие военные операции наших войск, развеяла в пух и прах миф о непобедимости вермахта и реальности планов Гитлера на Блицкриг.

Как я уже отмечал, в мою задачу не входит сравнительно детальное освещение военных действий Великой Отечественной войны. Это – тема специальных многотомных исследований, которые уже написаны и которые еще будут написаны. Передо мной стояла довольно ограниченная цель: на фоне отдельных (наиболее важных) военных операций раскрыть деятельность Сталина не столько как полководца и военачальника, сколько как верховного руководителя страны. Естественно поэтому, что многие военные аспекты оказываются за рамками моего внимания. Более или менее подробно освещаются лишь важнейшие военные операции первого периода войны, поскольку именно эти тяжелые, порой драматические или даже трагические дни, недели и месяцы давали возможность раскрыть некоторые черты Сталина как вождя и руководителя, как ведущую фигуру, во многом определявшую тот или иной разворот событий. В дальнейшем, когда война перешла в иное русло, когда наша армия стала гнать фашистских захватчиков с советской земли, роль и значение Сталина, конечно, не уменьшились. Однако, я полагаю, что акцент на первом периоде войны вполне оправдан, ибо он рисует фигуру Сталина, пожалуй, в самые трудные для него времена. Через такую призму можно лучше и более объективно оценить его деятельность, ибо под громкие фанфары победных маршей любая фигура, даже отдаленно несопоставимая с ним, будет выглядеть достаточно внушительно. А я как раз и стремился показать его в тяжелые периоды его политической судьбы...

³² Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т.13. (2–2). М. 1997. С. 108–109.

Преодолев ожесточённое сопротивление советских войск в Прибалтике, враг вторгся в пределы Ленинградской области. Войска гитлеровской Германии 5 июля овладели г. Остров, а 9 — Псковом. 10 июля 1941 г. развернулось наступление противника на юго-западном и северных подступах к Ленинграду. В последней декаде июля ценой больших потерь противник вышел на рубеж рек Нарва и Луга, где вынужден был перейти к обороне и произвести перегруппировку. На Карельском перешейке с 31 июля советские войска вели оборонительные бои с наступающими финскими войсками и к 1 сентября остановили их на рубеже государственной границы 1939 года. В августе развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. С 8 августа 1941 г. противник перешёл в наступление на красногвардейском направлении. 16 августа после тяжёлых боёв был оставлен Кингисепп, к 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укреплённому району, пытаясь обойти его с юго-востока и ворваться в Ленинград, но его атаки были отражены. С 22 августа по 7 сентября велись напряжённые бои на ораниенбаумском направлении. Враг был остановлен северо-восточнее Копорья. Боевые действия наземных войск развивались в тесном взаимодействии с Краснознамённым Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией. Кроме поддержки сухопутных войск авиацией и мощной артиллерией, флот решал самостоятельные задачи: защищал подступы к Ленинграду, нарушал коммуникации противника в Балтийском море, вёл борьбу за Моонзундский архипелаг, главную базу флота — Таллин и за п-ов Ханко. В период обороны Ленинграда флот направил на сушу (в бригады морской пехоты, отдельные стрелковые батальоны и др.) свыше 100 тыс. чел. личного состава.

Под Лугой все атаки врага были отражены. На новгородско-чудовском направлении, где противник наносил главный удар, советские войска пытались контратаковать противника, наступавшего на Новгород, но существенных результатов не добились. 19 августа враг овладел Новгородом. За счёт освободившихся войск немецкое командование усилило группировку, наступавшую на Ленинград. Создалась опасность окружения Ленинграда. 23 августа Ставка разделила Северный фронт на Карельский (командующий генерал-лейтенант В.А. Фролов, член Военного совета корпусной комиссар А.С. Желтов) и Ленинградский (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, с 5 сентября маршал К.Е. Ворошилов, с 12 сентября Г.К. Жуков, с 10 октября генерал-майор И.И. Федюнинский, с 26 октября генерал-лейтенант М.С. Хозин; член Военного совета А.А. Жданов). 29 августа ГКО объединил Главнокомандование Северо-Западного направления с командованием Ленинградского фронта, а Северо-Западный фронт подчинил непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Обстановка под Ленинградом сложилась чрезвычайно напряжённой. Враг возобновил наступление крупными силами вдоль шоссе Москва — Ленинград и 30 августа вышел на р. Нева и перерезал железные дороги, связывающие Ленинград со страной. Прорвавшись 8 сентября через станцию Мга, немецкие войска отрезали Ленинград от суши. Началась блокада города. Сообщение поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Подвоз всего необходимого войскам, населению и промышленности резко сократился. С 4 сентября противник начал варварские артиллерийские обстрелы города и систематические налеты авиации.

Появление врага у стен Ленинграда всего через два с половиной месяца после начала войны оказалось для советского народа слишком неожиданным и труднообъяснимым. Невольно возникал вопрос: почему же части и соединения Красной Армии остановили агрессора лишь у порога этого великого города? Ведь

при умело организованной обороне соотношение сил сторон вполне позволяло преградить путь противнику далеко за его пределами. Тем более что Ставка ВГК постоянно оказывала помощь Ленинграду. С 10 июля до конца октября туда было дополнительно отправлено 17 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии.

Одна из основных причин — это поражение Северо-Западного фронта в самом начале войны. Ни командование, ни войска фронта так и не оправились от него. Главком Ворошилов, командование фронта, армий, соединений и частей не сумели восстановить боеспособность войск, деморализованных почти непрерывным отступлением.

Недостаток сил, слабая выучка войск, отсутствие опыта наступательных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанным от «большой земли» войскам и населению предстояла многомесячная и многотрудная борьба за жизнь.³³

В определенного рода литературе о Сталине частенько проводится мысль о том, что последний якобы питал какое-то политическое недоверие к Ленинграду и его партийной организации еще со времен борьбы против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Мол, в силу этих причин, Верховный Главнокомандующий якобы и проявлял не то что равнодушие, но не слишком большую заинтересованность в обороне Ленинграда. Это — заведомая чушь, которую даже опровергать не стоит. Имеются многочисленные документальные факты, однозначно свидетельствующие о том, что Stalin самым внимательным образом следил за развитием ситуации в районе Ленинграда и делал все возможное, чтобы облегчить его положение. Он предъявлял настоятельные требования к ленинградскому военному и партийному руководству, побуждая его к более энергичным действиям, а не только рассчитывать на помощь и поддержку Москвы. Правда, тот факт, что Stalin не исключал возможности того, что Ленинград может быть захвачен противником, некоторыми его критиками используется как аргумент в пользу приведенной выше версии.

Чтобы прояснить картину, приведу телеграмму Сталина в адрес тех, кто отвечал за оборону Ленинграда.

“ТЕЛЕГРАММА И.И. ФЕДЮНИНСКОМУ, А.А. ЖДАНОВУ, А.А. КУЗНЕЦОВУ”

23 октября 1941 года

Федюнинскому, Жданову, Кузнецову. Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронт и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград. Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность нашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен.

Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте диви-

³³ См. Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. С. 206.

зий восемь или десять и прорвитесь на восток Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будетдержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней. Требуем от вас решительных действий. Сталин”³⁴.

Из приведенного текста никак не вытекает вывод о том, что Сталин якобы был равнодушен к судьбе Ленинграда. Достаточно вспомнить, каково в то время было положение самой Москвы, чтобы в правильном ключе понять высказывания Сталина. О степени внимания к Ленинграду со стороны Верховного свидетельствует факт назначения Жукова командующим в оборонявшийся Ленинград. Stalin отлично знал полководческие и организаторские способности Жукова, а также его твердость и решительность, чтобы именно его в сентябре 1941 года направить туда.

Вот как описывает сам Жуков обстоятельства своего назначения в Ленинград. Это произошло во время одной из встреч со Сталиным в сентябре 1941 года.

“Я высказал свои соображения. Минут пятнадцать И. В. Stalin внимательно слушал и что-то коротко заносил в свою записную книжку, затем сказал:

— Молодцы! Это именно то, что нам теперь так нужно.

Затем, без всякого перехода, вдруг добавил:

— Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Предложение это явилось для меня полной неожиданностью, тем не менее, я ответил, что готов выполнить это задание.

— Ну вот и хорошо, — сказал И. В. Stalin.

— Имейте в виду, — продолжал он, — в Ленинграде вам придется перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Затем Верховный молча взял со стола блокнот и размашистым твердым почерком что-то написал. Сложив листок, он подал его мне:

— Лично вручите товарищу Ворошилову эту записку. — В записке значилось: “Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву”. И добавил:

— Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан, когда прибудете в Ленинград.

Я понял, что за этими словами скрывается опасение за успех нашего перелета.

Перед тем как уйти, обратился с просьбой к Верховному разрешить мне взять с собой двух-трех генералов, которые могут быть полезны на месте.

— Берите кого хотите, — ответил И. В. Stalin³⁵.

Жуков, как известно, железной рукой навел порядок в войсках, чего не мог сделать его предшественник Ворошилов. Борьба против немецко-фашистских захватчиков в районе Ленинграда отличалась особой суворостью и жестокостью с немецкой стороны. Гитлеровцы не гнались ничем, только чтобы овладеть городом, сломить сопротивление его защитников и вообще стереть этот город с лица земли. Stalin не только внимательно следил за развитием ситуации здесь, но и был осведомлен и о некоторых “новшествах” в ведении военных действий, к которым прибегали фашисты.

Вот его жестокий, но по-своему понятный приказ. Кому-то он может пока-

³⁴ И. В. Stalin. Соч. Т. 18. С. 273.

³⁵ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 378.

ваться чудовищным, кому-то оправданным реалиями суповой действительности. Пусть каждый читатель сам даст этому указанию собственную оценку сообразно своим убеждениям. Указание было адресовано Жукову, Жданову, Кузнецова и Меркулову (последний был заместителем наркома внутренних дел СССР).

“От 21 сентября 1941г.

Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посыпают впереди своих войск стариков, старух, женщин и детей, делегатов от занятых ими районов с просьбой к большевикам сдать ЛЕНИНГРАД и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда. Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно — являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были. Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до Военного совета Балтийского Флота и командиров и комиссаров кораблей.

И. СТАЛИН”³⁶.

Но вернемся к нити изложения хода событий.

В середине сентября немецко-фашистские войска вышли к Финскому заливу в р-не Стрельны и отрезали находившиеся западнее советские войска, которым благодаря мощной поддержке флота удалось удержать Приморский плацдарм, сыгравший затем большую роль в обороне города. К концу сентября фронт на подступах к Ленинграду окончательно стабилизировался, план захвата его штурмом провалился. 20 октября началась Синявинская наступательная операция войск Ленинградского фронта с целью деблокады города, но завершить операцию не удалось, т.к. Советское Верховное Главнокомандование было вынуждено перебросить часть войск на тихвинское направление, где противник развернул наступление. 8 ноября врагу удалось захватить Тихвин. Хотя советские войска не допустили прорыва противника к Свири, последняя железная дорога (Тихвин — Волхов), по которой подвозились грузы к Ладожскому озеру, оказалась перерезанной. В ноябре 1941 года советские войска перешли в контраступление в районе Тихвина и 9 декабря овладели им. Немцы были отброшены за р. Волхов. Однако положение Ленинграда продолжало оставаться тяжелым. Запасы сырья были весьма ограничены, продовольствие и топливо на исходе. С 20 ноября суточный паек хлеба составлял 125—250 грамм. Начался голод, от которого с ноября 1941 по октябрь 1942 погибло 64 1803 человека. Сталин и советское руководство в целом приняли меры для подвоза в город продовольствия, боеприпасов, горючего и топлива.

Немецкое командование пыталось сломить сопротивление защитников Ленинграда бомбардировками с воздуха и обстрелом тяжелой артиллерией. В сентябре—ноябре 1941 года на город былоброшено 64 930 зажигательных и 3055 фугасных авиабомб и выпущено 30 154 арт. снаряда. Но враг не сломил боевой

³⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 18. С. 263.

дух защитников города Ленина. Во 2-й половине ноября 1941 года была проложена автомобильная дорога по льду Ладожского озера — “Дорога жизни”.

Необходимо отметить особую роль, которую сыграл в обороне блокадного Ленинграда А.А. Кузнецов, вторая после Жданова фигура в партийном руководстве Ленинграда. Его справедливо называли душой обороны, и Сталин даже отправил ему записку, в которой говорилось, что Родина никогда не забудет его. О роли Жданова чего-либо существенно положительного сказать нечего, поскольку, по некоторым сведениям, он большей частью находился в убежище и страдал то ли от запоев, то ли от болезней. А именно он был одно время любимцем Сталина и ему прочили большое будущее.

Итак, битва за Ленинград не окончилась, она приняла лишь другие формы — форму блокады. В историю ленинградская блокада вошла как одна из самых заметных страниц войны. Что же касается примеров проявления столь массового мужества, героизма и терпения, столь беззаветного самопожертвования, то блокада огромного мегаполиса на протяжении более 900 дней, те страдания и мучения, которые претерпели при этом люди, едва ли знает что-либо подобное.

Причем надо подчеркнуть, что Сталин лично следил за положением в блокадном городе, вел многократные переговоры по линиям связи с его руководителями и командованием войск. По его указанию еще в начале блокады в Ленинград был направлен заместитель председателя СНК А.Н. Косыгин с группой ответственных специалистов для организации экстренной помощи блокадному городу.³⁷

Завершить изложение событий, связанных с блокадой Ленинграда, хочется объективной, часто весьма критической и одновременно правдивой и в то же время восторженной оценкой А. Верта, на которого я уже не раз ссылался. Это — свидетельство человека, абсолютно не заинтересованного в том, чтобы приукрашивать или фальсифицировать факты, особенно те, что имеют отношение к роли партии в это время. Итак, А. Верт писал: “Армия, без сомнения, не могла не разочаровывать людей, пока она отступала вплоть до окраин Ленинграда, а ленинградские власти за эти первые два с половиной месяца немецкого наступления допустили, очевидно, немало ошибок. Вся проблема эвакуации, в особенности эвакуации детей, была решена скверно, и очень мало или почти ничего не было предпринято, чтобы создать запасы продовольствия. Но, как только немцы были остановлены за стенами Ленинграда, как только было принято решение биться за каждый дом и за каждую улицу, ошибки военных и гражданских властей были охотно забыты, ибо речь теперь шла о том, чтобы отстоять Ленинград любой ценой. Вполне естественно, что поддержание в осажденном городе суровой дисциплины и организованности было необходимо, но такая дисциплина и организованность не имеют ничего общего с “врожденной склонностью подчиняться властям”. Ясно, что выдачу продуктов пришлось строго нормировать; но говорить, что население Ленинграда работало и не “поднимало мятежа” (ради чего?), только чтобы получить продовольственную карточку — которая многим не давала даже возможности выжить, — значит совершенно искаженно понимать дух Ленинграда. Вряд ли можно сомневаться в том, что ленинградская партийная организация сыграла очень важную роль в спасении Ленинграда; во-первых, она обеспечила максимально справедливое в тех невероятно тяжелых условиях нормирование продуктов; во-вторых, организовала широчайшую систему противовоздушной

³⁷ См. БСЭ. Издание второе. Т. 14. С. 413.

обороны в городе; в-третьих, мобилизовала население на заготовку дров, торфа и на другие работы; в-четвертых, организовала несколько "дорог жизни". Нет также сомнений в том, что во время самых ужасающих трудностей зимы 1941/42 г. такие организации, как комсомол, проявили величайшие самопожертвование и стойкость, оказывая помощь населению"³⁸.

3. Сталин и подготовка обороны Москвы

Из всех событий Великой Отечественной войны битва за Москву, пожалуй, была решающим сражением для Сталина, для его политической и личной судьбы. От исхода этой битвы зависело очень многое, если не все. У историков не принято оперировать гипотетическими вариантами развития событий в том или иной случае, поскольку сама история имеет дело только с фактами и ни с чем другим. Однако для тех, кто пишет о судбоносных исторических событиях, всегда интересно мысленно представить себе многовариантное развитие событий. В конкретном случае речь идет о том, что было бы с нашей страной и самим Сталиным, если бы немецко-фашистским войскам удалось взять Москву. Я уже в других местах касался данной темы, но ее историческая значимость столь велика, что определенные повторения (под разными углами зрения) едва ли можно относить к разряду тавтологии. На мой сугубо личный взгляд, история России достаточно убедительно показала, что судьбы страны по большей части решались в ее обеих столицах, и от того, как развертывалась панорама событий здесь, в значительной степени и решалась судьба страны. По крайней мере, на весьма длительный период времени. Поэтому, рискуя приkleить себе ярлык пораженца, я все-таки склоняюсь к мысли, что в случае захвата немцами Москвы будущее России оказалось бы под большим вопросом.

Могут противопоставить пример со взятием Москвы Наполеоном. Однако в данном случае аналогия неприменима, поскольку принципиально иной была историческая ситуация, иным был общественно-политический строй, иной была вся система власти и умонастроения общества. Были и существенные различия с чисто военной точки зрения. Одну из них выделил сам Stalin. Тогдашний советский посол в Англии И.М. Майский вспоминал: "Как-то в связи с подготовкой к очередной встрече обеих делегаций (имеются в виду встреча советской и английской делегаций во время визита А. Идена в Москву в декабре 1941 года — Н.К.) я оказался в кабинете Молотова, где находился также и Stalin. Молотов сидел за письменным столом, а Stalin расхаживал из конца в конец по кабинету и на ходу высказывал суждения и давал указания. Когда вся подготовительная работа была закончена, я обратился к Stalinу и спросил:

— Можно ли считать, что основная линия стратегии в нашей войне и в войне 1812 года примерно одинакова, по крайне мере, если брать события нашей войны за первые полгода?

Stalin еще раз прошелся по кабинету и затем ответил:

— Не совсем. Отступление Кутузова было пассивным отступлением, до Бородина он нигде серьезного сопротивления Наполеону не оказывал. Наше отступление — это активная оборона, мы стараемся задержать врага на каждом возможном рубеже, нанести ему удар и путем таких многочисленных ударов измо-

³⁸ Александр Верп. Россия в войне 1941–1945. С. 247.

тать его. Общим между отступлениями было то, что они являлись не заранее запланированными, а вынужденными отступлениями”³⁹.

Здесь Сталин абсолютно обоснованно выделил сочетание двух сторон первого периода войны – отступления, неотъемлемым составным элементом которого являлась не просто оборона, а активная, наступательная оборона. Такая стратегия делала ход войны для немецких войск совершенно непредсказуемым, постоянно ставила перед ними проблемы, которых они не ожидали или считали уже решенными. Война с самого своего начала во многом благодаря проведению Сталиным последовательной и глубоко продуманной линии в области противоборства с Германией превратилась для Гитлера в своего рода неразрешимый ребус. Он не раз хвастливо объявлял, что Россия повержена и дни ее сочтены. Фюрера в этом подкрепляла мысль о скором и неминуемом взятии советской столицы.

Действительно, падение Москвы могло бы оказаться роковым для Советской власти вообще и для Сталина в первую очередь. Говоря это, я не хочу категорически, как говорится, на все сто процентов, утверждать, что только так могли развиваться события в этом роковом случае. Однако исключить подобный вариант развития событий нельзя. Все висело буквально на волоске. Отсюда вытекала та ожесточенность и нацеленность Гитлера на овладение Москвой, которую он постоянно демонстрировал даже публично. Отсюда и вытекала та отчаянная решимость (и даже отчаяние), с которой наши войска во главе со Сталиным сражались за Москву. Кто-кто, а Stalin лучше других понимал судьбоносное значение битвы за Москву.

Гитлер же совершил немало недопустимых ошибок, и одной из самых непоправимых было решение напасть на Советскую Россию. Как писал немецкий генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль, “Гитлер рассчитывал, что Красная Армия быстро развалится. Уверенный в своей победе, он даже приказал сократить объем продукции военной промышленности. Но вскоре оказалось, что Гитлер имел совершенно искаженное представление об обстановке, в то время как главное командование сухопутных сил оценило обстановку правильно. Правда, в крупных сражениях под Белостоком, Минском, Киевом и Вязьмой было окружено и взято в плен большое количество русских, и немецкое радио объявило об одной грандиозной победе за другой. Основная же масса русской армии, вдохновляемая комиссарами, стойко сражалась до конца. Очень неприятным сюрпризом было появление советских образцов оружия, превосходящих по своим боевым качествам немецкие, например танка Т-34, против которого немецкие противотанковые орудия были бессильны. Кроме того, первые же дни войны показали, что немцы пришли в Россию не как освободители. Всем вскоре стало известно об отвратительной деятельности отрядов службы безопасности СД в тыловых районах. Возмущение, которое вызывали действия этих “зондеркоманд” среди русских, было вполне оправдано; оно способствовало сплочению русского народа и усилиению его сопротивления. Русские получили передышку, которая помогла им стабилизировать положение”⁴⁰. Этот же автор делает фундаментальный вывод, который постоянно подчеркивают как российские, так и зарубежные историки, придерживающиеся объективной позиции: “Уроки войны 1914–1918 гг. снова повторились четверть века спустя: Германия не может выиграть войну, ведя ее более чем на одном фронте”⁴¹.

³⁹ И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. М. 1987. С. 632.

⁴⁰ Роковые решения . (Электронный вариант).

⁴¹ Там же.

Но к оценкам значения битвы за Москву мы еще вернемся. Дадим сначала общий краткий обзор событий, охватываемых этим понятием.

6 сентября 1941 г. фюрер подписал директиву № 35 о большом осеннем наступлении на восточном фронте. Общая цель его заключалась в том, чтобы решительными ударами на всех трех стратегических направлениях еще до наступления зимы добиться разгрома советских войск, быстро овладеть Крымом, Киевом, Харьковом, Ленинградом и соединиться с финской Карельской армией.

Главные усилия теперь вновь переносились на московское направление. «Для этого, — указывалось в директиве, — необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и наземных войск, без которых можно обойтись на флангах... «Группе армий «Центр» предстояло не позднее конца сентября «перейти в наступление, имея на флангах сильные танковые части, и в результате двойного охвата в направлении г. Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Для этой цели было решено нанести два удара танковыми группами: первый — в районе Рославля, второй — через г. Белый. Только после уничтожения главных сил армий, которыми командовал маршал Тимошенко, подчеркивалось в той же директиве, войскам группы армий «Центр» надлежит, «примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву».

16 сентября командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок направил в войска директиву о непосредственной подготовке операции по захвату Москвы, получившей кодовое название «Тайфун». Если директива № 35 определяла два главных направления, то в директиве Бока назначалось еще и третье — из района Шостки на Орел. Дело в том, что первоначальное число ударов вытекало из боевого состава группы армий «Центр» на 6 сентября, в то время как к середине месяца обстановка для немцев стала более благоприятной: разгром войск Юго-Западного фронта под Киевом позволил перебросить оттуда два оперативных объединения для дополнительного охвата советских войск под Брянском.⁴²

Общий замысел плана гитлеровского командования заключался в том, чтобы мощными ударами крупных группировок, сосредоточенных в р-нах Духовщины, Рославля и Шостки, окружить основные силы войск Красной Армии, прикрывавших столицу, и уничтожить их в р-нах Брянска и Вязьмы, а затем стремительно обойти Москву с Севера и Юга с целью её захвата. Выполнение этого замысла возлагалось на группу армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), состоявшую из 2-й, 4-й, 9-й полевых армий и 2-й, 3-й и 4-й танк. групп (с октября 2-я танковая армия, с января 3-я и 4-я танковые армии). Всего к концу сентября было сосредоточено 77 дивизий, в т. ч. 14 танковых и 8 моторизованных, в которых насчитывалось свыше 1 млн. чел., свыше 14 тыс. орудий и миномётов, 1700 танков, 950 самолётов. Против войск группы армий «Центр» к началу немецкого наступления оборонялись войска Западного (командующий генерал-полковник И. С. Конев, член Военного совета Н. А. Булганин, начальник штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский); Брянского (командующий генерал-полковник А. И. Ерёменко, член Военного совета дивизионный комиссар П. И. Мазепов, начальник штаба генерал-майор Г. Ф. Захаров); Резервного (командующий маршал С. М. Будённый, член Военного совета Н. С. Круглов, начальник штаба генерал-майор А. Ф. Анисов) фронтов. Всего в советских войсках насчитывалось около 800 тыс. чел., 6800 орудий и миномётов, 780 танков (из них

⁴² Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. Суровые испытания. С. 312.

140 тяжёлых и средних) и 545 самолётов в основном устаревших конструкций. В целом, враг превосходил наши войска по численности людей в 1,2, артиллерии и миномётов — в 2,1, танков — в 2,2 раза, боевых самолётов — в 1,7 раза. Большое преимущество противник имел и в подвижности своих войск, располагавших значительным парком автомашин и тягачей. Многие вновь сформированные советские дивизии, особенно Резервного фронта, а также 12 стрелковых дивизий народного ополчения этого фронта не имели боевого опыта и должного вооружения. Замысел советского Верховного Главнокомандования на западном направлении заключался в том, чтобы упорной обороной нанести немецко-фашистским войскам возможно большие потери и выиграть время для формирования и сосредоточения новых резервов.⁴³

Ставка во главе со Сталиным наметила меры для создания на дальних и ближних подступах к Москве глубокоэшелонированной обороны, состоявшей из оборонительных рубежей, занимавших по фронту свыше 300 км и в глубину 200—250 км и включавших 8—9 оборонительных полос. В подготовке оборонительных рубежей важную роль сыграли войска резервных формирований, дивизии московского народного ополчения, а также трудающиеся Смоленской, Брянской, Тульской, Калининской, Московской областей и г. Москвы. Большое внимание уделялось ускоренному формированию крупных резервов в тылу страны.

Нельзя недооценивать значение действий партизанских отрядов. Само партизанское движение началось фактически с первых дней войны, особенно после призыва Сталина, прозвучавшего в его речи 3 июля 1941 г. Через две недели после начала войны на основе общих указаний Сталина было принято специальное "Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск." В этом постановлении была изложена широкая и тщательно продуманная и основанная программа развертывания настоящей партизанской войны в тылу врага. Советское руководство исходило из того, что в войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительно важное значение приобрела борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. "В этой борьбе с фашистскими захватчиками мы имеем много еще не использованных средств, много упускаемых нами возможностей для нанесения тяжелых ударов по врагу. Во всем этом нас беззатратно поддержат в каждом городке и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами".⁴⁴

Оккупанты встретили всеобщую ненависть и активное противодействие населения. Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. становилось всенародным. К концу 1941 г. в тылу врага действовало около 3500 партизанских отрядов и групп. Росту партизанского движения способствовала сама политика германских властей на оккупированных территориях. Действова-

⁴³ См. БСЭ. Третье издание. Т. 17. С. 23.

⁴⁴ См. 1941 год. Документы. Книга вторая. С. 474.

ли они в соответствии с пресловутым планом “Ост”, предусматривавшим бесчеловечное истребление “неполноценных” народов и тотальную эксплуатацию всех их ресурсов. В плане “Ост” ставилась задача уничтожить Советское государство, лишить народы СССР какой бы то ни было государственной организации. План предусматривал уничтожение, выселение, онемечивание советского населения. Предполагалось в течение 30 лет выселить в Западную Сибирь около 31 млн. человек с территории Польши и западных районов СССР (80–85% польского населения, 65% населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Латвии, Литвы и Эстонии) и поселить на эти земли 10 млн. немцев. Оставшееся население подлежало онемечиванию. Было задумано уничтожить еще до начала выселения на оккупированных территориях 5–6 млн. евреев. Предполагалось истребить 30 млн. русских. Гитлеровцы хотели уничтожить русский народ, а часть превратить в послушных рабов.⁴⁵

На оккупированной территории немецко-фашистские захватчики установили террористический режим, насаждая т. н. “новый порядок”. Массовое уничтожение военнопленных, организованный грабеж народа достояния, беспощадное подавление любых актов сопротивления, введение института заложников были возведены в ранг государственной политики нацистской Германии. Расстрел около 100 тыс. советских граждан (по большей части еврейской национальности) в Бабьем Яру в Киеве, организованное уничтожение сотен тысяч советских людей в лагерях смерти в Освенциме, Майданеке (Польша) и мн. др. пунктах, в бесчисленных концентрационных лагерях, уничтожение целых районов в Белоруссии в ходе карательных экспедиций, кровавые зверства карательных отрядов на Смоленщине, в Ленинградской области, в Донбассе и Керчи, тактика “выжженной земли” при отступлении — таковы были методы проведения в жизнь плана “Ост”.

Но вернемся к главному сюжету нашего изложения. Сталин дал указание об усилении и увеличении количества наших воинских частей, противостоявших планам гитлеровского наступления. Как свидетельствует С. Штеменко, “Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования приняли соответствующие контрмеры. Основные силы созданного еще в июле Резервного фронта расположили за Западным, увеличив таким образом глубину обороны. Для действий на дальних подступах к столице привлекались некоторые дивизии московского народного ополчения, сформированного из добровольцев. В строжайшей тайне в глубине страны проводилось формирование и обучение резервных армий, о существовании которых знали только члены Ставки и отдельные связанные с этим лица из Генштаба. Готовились к переброске на запад несколько хорошо подготовленных дивизий из Забайкалья и с Дальнего Востока. Ускоренно шло строительство Вяземского и Можайского укрепленных районов. Создавалась так называемая Московская зона обороны, рубежи которой вкруговую опоясывали столицу на ближайших подступах, в пригородах и, наконец, в самом городе до Бульварного кольца включительно”⁴⁶.

Однако многие из намеченных мер по укреплению обороны не были завершены из-за недостатка времени и сил. Не удалось создать прочные инженерные заграждения, фронты нуждались в пополнении, ощущался недостаток боеприпасов.

Наступление вермахта началось 30 сентября 1941 г. ударом 2-й танковой группы по левому крылу Брянского фронта. 2 октября перешли в наступление глав-

⁴⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М. 1985. С. 521.

⁴⁶ С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Т. I. С. 38.

ные силы группы армий “Центр” из районов Ярцево и Рославля против войск Западного и Резервного фронтов. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, противник в первый же день прорвал оборону, а его подвижные соединения продвинулись на 40–50 км в направлениях Орла, Юхнова и Вязьмы. Попытки фронтов нанести контрудары слабыми резервами результатов не дали. 3 октября 1941 г. передовые части 2-й танковой группы немцев вышли на пути отхода 3-й и 13-й армий Брянского фронта и к исходу дня ворвались в Орёл. Прорыв обороны войск Западного и Резервного фронтов на ярцевском и рославльском направлениях и отход части сил фронтов создали опасную обстановку на Вяземском направлении. 4 октября враг захватил Спасс-Деменск, 5 октября – Юхнов и вышел в р-н Вязьмы. 6 октября противник овладел Брянском. В районе Вязьмы в окружении оказались соединения 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий. Упорно сопротивляясь, окружённые войска сковали до 28 дивизий противника, уничтожили тысячи вражеских солдат и офицеров, вывели из строя массу техники. Части сил к середине октября удалось прорваться из окружения. Неблагоприятное развитие военных действий в районе Вязьмы и Брянска создало большую опасность Москве.

Реакцию Сталина на столь драматическое развитие событий впоследствии следующим образом описывал тогдашний управляющий делами Совнаркома Я. Чадаев.

4 октября Чадаев застал Сталина в кабинете, когда тот узнал про новое грандиозное поражение Красной Армии. По его словам, “Сталин ходил поспешно по кабинету с растущим раздражением. По его походке и движению чувствовалось, что он находится в сильном волнении. Сразу было видно, что он тяжело переживает прорыв фронта и окружение значительного числа наших дивизий. Это событие просто ошеломило его”. “Ну и болван, – тихо произнес Stalin. – Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!” Я никогда не забуду этой картины: на фоне осеннего, грустного пейзажа умирающей природы бледное, взъяренное лицо Сталина. Кругом полная тишина. Через открытую настежь форточку проникали холодные струи воздуха. Пока я молчал, зашел Поскребышев и доложил: “Командующий Конев у телефона”. Stalin подошел к столу и с яростью снял телефонную трубку. В командующего летели острые стрелы сталинского гнева. Он давал не только порцию “проборки”, но и строгое предупреждение, требовал беспощадно биться и добиться вывода войск из окружения. “Информируйте меня через каждые два часа, а если нужно, то и еще чаще. Время, время дорого!”

“Затем Stalin соединился с членом Военного Совета Западного фронта Н.А. Булганиным и тоже набросился на него. Булганин стал объяснять причину этого чрезвычайного происшествия. Он (как мне потом стало известно лично от самого Булганина) докладывал Stalinу, что ЧП произошло из-за того, что командование Резервного фронта “проморгало” взятие противником Юхнова... Выслушав терпеливо и до конца Булганина, Stalin немного смягчился и потребовал от руководства фронта: “Не теряйте ни секунды... во что бы то ни стало выведите войска из окружения”. Вошел Молотов. Stalin, повесив трубку, сказал: “Может быть, еще удастся спасти войска... Гитлер изображает себя в положении нетерпеливой охотничьей собаки, настигнувшей дичь и теперь ждущей, наконец, момента, когда раздастся заветный выстрел. Однако желанного результата фюрер не получит!”⁴⁷

⁴⁷ Цит. по Юрий Емельянов. Трагедия Сталина. 1941–1942. Через поражение к победе. М. 2006. С. 229–230.

ГКО и Ставка во главе со Сталиным приняли меры по усилению Можайской линии обороны, куда срочно направлялись войска из резерва и с других фронтов. В целях объединения руководства войсками западного направления и организации более чёткого управления ими оставшиеся войска Резервного фронта были 10 октября переданы в состав Западного фронта, командующим войсками которого в тот день был назначен Жуков, а его заместителем — И.С. Конев.

Вот как описывает в своих воспоминаниях Жуков свою встречу со Сталиным по прибытии в Москву:

“В Москве меня встретил начальник охраны. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире. Мы немедленно туда направились.

И.В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо. Кивнув головой в ответ на мое приветствие, он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

— Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добраться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Перед уходом И.В. Сталин спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

Во время разговора И.В. Сталин стоял у стола, где лежала топографическая карта с обстановкой Западного, Резервного и Брянского фронтов. Посмотрев на карту Западного фронта, он сказал:

— Кажется, они уже действуют на этом направлении⁴⁸.

12 октября Западному фронту были подчинены войска Можайской линии обороны. В результате энергичных мер, принятых командованием, на московском направлении был создан новый фронт обороны. Однако положение войск Западного фронта, занявших оборону на Можайской линии, оставалось исключительно тяжёлым. На фронте от Москвы до Калуги в составе четырёх армий Западного фронта насчитывалось лишь около 90 тыс. чел. В этих условиях командование фронтом стремилось прочно прикрыть только важнейшие направления, ведущие к Москве: волоколамское, можайское, малоярославецкое и калужское. В воздухе господствовала вражеская авиация. Дороги были забиты потоками людей, конными повозками, гуртами скота, машинами, что крайне осложняло работу фронтового тыла и управление войсками.

Ситуация приближалась к критической. У многих сдавали нервы. Но Ст-

⁴⁸ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 6–7.

лин проявлял необходимую выдержку, вселяя в других уверенность в победе. В этом контексте интересно свидетельство К.К. Рокоссовского.

Вот отрывок из его воспоминаний: “Высокая требовательность – необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу (имеется в виду Г.К. Жуков – Н.К.). Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это:

– Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь – полк “катюш”, два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо”⁴⁹.

Приведенный пассаж однозначно говорит сам за себя: Сталин хорошо понимал, сколь тяжела обстановка на фронте и не только своим вмешательством не трепал и без того напряженные нервы командующих, но и всячески подбадривал их, оказывая необходимую помощь. Это начисто опровергает домыслы тех, кто утверждает, что не только в эти дни, но и вообще в ходе войны Сталин своим некомпетентным вмешательством наносил серьезный вред делу руководства войсками. Конечно, как Верховный Главнокомандующий, он должен был быть полностью и достоверно информирован о ситуации в том или ином районе боевых операций. И требование предоставления такой информации никак нельзя рассматривать как вредное вмешательство в дела непосредственных военачальников. Да и никто тогда так это не воспринимал. Лишь нынешние критики Сталина стремятся представить дело в извращенном, невыгодном для Сталина виде.*

⁴⁹ К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. М. 1972. С. 92.

* В определенном смысле пищу для такого рода обвинений в адрес Сталина дают некоторые высказывания Жукова (правда, они были преданы гласности после его смерти, в самый разгар кампании против Сталина в период перестройки – это была очередная (трудно сказать, какая по счету вспышка политической болезни, которую можно определить как синдром антисталинизма.) Поэтому в полной достоверности (в смысле отсутствия влияния конъюнктурных моментов) есть некоторые основания сомневаться, поскольку посмертные воспоминания часто несут на себе следы того време-

Для укрепления ближних подступов к Москве 12 октября ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы оборонительных рубежей. Главный рубеж намечалось построить в форме полукольца в 15—20 км от Москвы. Городской рубеж проходил по Окружной ж. д. Вся система обороны на ближних подступах к городу получила наименование Московской зоны обороны. В неё входили части московского гарнизона, дивизии народного ополчения и дивизии, прибывшие из резерва Ставки. На строительство оборонительных сооружений было мобилизовано 450 тыс. жителей столицы, 75% мобилизованных составляли женщины.

Вопрос об эвакуации Москвы и роль Сталина

У А.Т. Рыбина, на которого я уже выше ссыпался, есть интересные детали того, как развивались события в Москве в эти дни и как стоял вопрос об эвакуации. Это — не воспоминания самого Рыбина, а пересказ того, что он слышал от других сотрудников сталинской охраны. Само содержание информации, а также детали, которые он приводит, на мой взгляд, достойны внимания и на этот раз не вызывают сомнений относительно их достоверности. Поэтому я приведу наиболее существенные из них:

“Из воспоминаний секретаря Свердловского РК и члена МК и МГК ВКП(б) Ильи Новикова: “В ночь на 10 октября 1941 г. Берия собрал в здании НКВД всех первых секретарей РК ВКП(б) Москвы. Присутствовал на совещании А. Щербаков. Берия перед нами выступил и сказал: “Связь с фронтом прервана. К утру раздайте все продукты из магазинов. Оставьте по 500 чел. актива в районе для защиты Москвы. Старики и детей эвакуируйте”. Мы в районах так и сделали. Начались беспорядки. По городу тащили калачами колбасу, повесив ее на шею, на руки и в таком виде шествовали по Москве. Тащили мешками муку, окорока, мясо. К утру опустошили магазины. Мы пытались выяснить: где же Stalin? Отвечали: “Уехал на фронт”. Вспоминает шофер Сталина П. Митрюхин: “15 октября 1941 г. Stalin собрался на дачу в Кунцево. Его телохранитель генерал В. Румянцев начал его отговаривать под предлогом, что дача якобы демонтирована. Stalin: “Товарищ Митрюхин, в Кунцево!” Приехали — ворота закрыты. И. Орлов выбежал к нам и сообщил: “Товарищ Stalin, по распоряжению Румянцева дача заминирована”. Stalin посмотрел, кашлянул и произнес: “Дачу разминируйте. Натопите мне печку в маленьком домике, там я буду работать до утра”. Утром в сопровождении Н. Кирилина, И. Хрусталева, В. Круташева проехал по некоторым улицам Москвы и сам убедился в возникших беспорядках в столице. Несколько раз останавливался на улицах, выходил из машины. Сразу собиралась толпа и задавали один и тот же вопрос: “Товарищ Stalin, когда остановим фашистов?” Stalin отвечал: “Скоро. И на нашей

ни, когда они предаются гласности. Так, Жуков писал: “... Я должен подчеркнуть то, что Stalin при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией”. Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник. С. 392-393.

улице будет праздник". Из воспоминаний Н. Кирилина: "Сталин приехал в Кремль и быстро навел порядок в столице". Из архивных материалов секретаря ЦК ВКП(б) Г. Попова: "Рано утром 16 октября 1941 г. ко мне на дачу приехал А. Щербаков и сказал: "Нас вызывает Берия". Едва мы появились на пороге, как Берия, заикаясь от волнения, произнес: "Немецкие танки находятся уже в Одинцове". Это была липа. Я только что возвратился из Усова и никаких танков в Одинцове не было, кроме наших военных. Бывший председатель исполнкома Моссовета В. П. Пронин пишет: "16 октября 1941 г. Сталин пригласил нас к себе в Кремль. Берия еще в приемной взывал: "Надо оставить Москву, иначе нас фашисты перебьют, как цыплят". Молотов молчит. Сталин: "Что будем делать с Москвой? Я думаю, Москву сдавать нельзя". Первым подал голос Берия: "Конечно, товарищ Сталин, о чём разговор?" Видимо, Сталин заранее обговорил этот вопрос с членами Политбюро. Сталин – Маленкову: "Пишите постановление ГКО". Но Маленков не справился с этой задачей. Сталин начал диктовать, а Щербаков писать проект постановления. Вспоминает Н. Кирилин: "17 октября 1941 г. Сталин лично в 24 часа проверил на Бородинском мосту посты. Нашел непорядки. Ошибку быстро выправили".

Комендант дачи "Семеновское" С. Соловов вспоминает: "16 октября 1941 г. я уже стал перевозить некоторые сталинские вещи в спецвагон. Сталин спросил: "Что за перевозка?" Я ответил: "Товарищ Сталин, готовимся к эвакуации в Куйбышев". На это Сталин ответил: "Никакой эвакуации, остаемся в Москве до победы над врагом".

Из воспоминаний сестры-хозяйки сталинской дачи В. Истоминой: "У Сталина находились члены Политбюро. Он вызвал меня к столу. Как бы шутя спросил: "Валентина Васильевна, вы собираетесь эвакуироваться из Москвы?" Я ответила: "Москва – наш родной дом, ее надо защищать". Сталин повернулся к Щербакову и заметил: "Видите, как москвичи думают!" Вспоминает Н. Кирилин: "16 октября 1941 г. мы с прикрепленным Кагановичем Сусловым поехали посмотреть сталинский спецпоезд. Возвратились в Кремль. Смотрим: Каганович выходит из кабинета Сталина и на повышенной ноте подзывает Суслова, при этом говорит: "Суслов, Сталин сейчас мне дал нагоняй за спецпоезд, приготовленный для него. Уберите его с путей". Сталин до октября находился на даче "Кунцево" и в особняке метро "Кировская". Но когда там у особняка разорвалась авиабомба и контузило Маленкова, Сталин перестроился и стал и находиться во время воздушных тревог в метро, в Кремле и на даче"⁵⁰.

Полагаю, что есть резон привести еще некоторые детали, касающиеся поведения Сталина в период осады Москвы. Рыбин, в частности, сообщает: "К тому времени Геббельс трубил на весь мир о том, что Сталин покинул Москву. В этой связи Сталин стал часто появляться на улице и разговаривать с народом. Так было на Калужской площади, Земляном валу, ул. Горького. Больше всего он ездил рано по утрам после бомбежки и осматривал разрушения. Ночью побывал на ул. Горького в д. № 4 у генерала П.А. Артемьева. Дважды посетил трофейную выставку захваченного у немцев оружия. В ту пору я был начальником спецгруппы по вспомогательному сопровождению членов Политбюро в Москве и на фронте. Одновременно с подчиненными нес охрану здания Большого театра.

В октябре 1941 г. немецкий ас сбросил однотонную авиабомбу на дачу "Кунцево", которая упала с внешней стороны забора и не разорвалась. В стабилизато-

⁵⁰ А.Т. Рыбин. Сталин в октябре 1941 г. (Заметки телохранителя). М. 1995. С. 10–11.

ре саперы обнаружили бумажку с изображением сжатого кулака и надпись "Рот-Фронт". Вторая авиабомба была сброшена немцем в Кремле к царь-колоколу. Вспоминает В. Туков: "Волной меня отбросило в сторону. Сталин подошел к воронке, из которой шел пар, и спросил курсантов: "Жертвы есть?" Ответили: нет. После этого Сталин уехал на дачу в сопровождении И. Хрусталева".

Мне удалось выяснить у Ф. Чуева, что В. Молотов не знал о спецпоезде, приготовленном Берией, Маленковым, Кагановичем для Сталина. Вспоминает И. Орлов: "Сталин в октябре, ноябре ночами не спал. Я утром заставлял его в 6 часов утра на топчане отдыхающим, одетым в шинель, ботинки и фуражку". Тогда Сталин посетил госпиталь на Волоколамском шоссе в селе Ленино-Лупиха, затем генерала А. Еременко в Тимирязевском госпитале"⁵¹.

Особо следует отметить вопрос о подготовке специальных мероприятий на случай того, если все же враг ворвется в столицу. Еще 4 октября 1941 г. Сталин провел переговоры с руководством Ленинграда по вопросу об эвакуации из города промышленного оборудования, станков, материалов, кадров специалистов и рабочих. Все это делалось в связи с нависшей над городом угрозой захвата его гитлеровцами. И в этом кое-кто усматривает пораженные настроения, неверие Сталина в возможность отстоять Ленинград. Выглядят эти "доводы" довольно смешно, если их оценивать не с высоты сегодняшнего дня, а исходя из реальной обстановки, сложившейся тогда.⁵²

В этом же ключе следует рассматривать и постановление Государственного Комитета Обороны, подписанного Сталины от 8 октября 1941 г., в котором давалось указание о подготовке к проведению специальных мероприятий по предприятиям Москвы и Московской области. Под этими мероприятиями подразумевалось уничтожение предприятий и других объектов (мостов, электростанций и т. д.) при угрозе их захвата противником. В постановлении определялись конкретные люди, ответственные за осуществление данных мероприятий, и определен порядок, гарантирующий выполнение этих мер.⁵³

Критики Сталина в связи с этим снова волят о его неверии отстоять Москву и Ленинград, о пораженных настроениях и т. д. Опять та же тема неверия и прочее, как будто реальной угрозы Москве не существовало и нужно было сидеть сложа руки и надеяться только на благоприятный исход битвы за Москву. И данный шаг был не проявлением паникерства, а разумной мерой предосторожности на случай критического развития ситуации в тот период вокруг битвы за Москву.

И наконец, стоит привести воспоминания А.И. Микояна об обстоятельствах принятия решения ГКО об эвакуации.

"16 октября, — писал Микоян, — утром, вдруг будит меня охрана (семья — кроме двух старших сыновей — была на даче, от которой немецкие мотоциклисты были замечены в 25–30 км) и сообщает, что Сталин просит зайти к нему в кабинет. Тогда в его кабинете собирались и члены ГКО и Политбюро. В восемь меня разбудили, а в 9 часов утра нужно было быть у Сталина. Все вызванные Сталиным уже собрались: Молотов, Маленков, Вознесенский, Щербаков, Каганович. Stalin был не очень взволнован, коротко изложил обстановку. Сказал, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и прорвать фронт под Москвой. Он предложил срочно, сегодня же эвакуировать правитель-

⁵¹ А.Т. Рыбин. Stalin в октябре 1941г. (Записки телохранителя). М. 1995. С. 13.

⁵² "Известия ЦК КПСС", 1990 г. № 12. С. 208.

⁵³ Там же. С. 210–211.

ство и важнейшие учреждения, выдающихся политических и государственных деятелей, которые были в Москве, а также подготовить город на случай вторжения немцев. Необходимо назначить надежных людей, которые могли бы подложить взрывчатку под важнейшее оборудование машиностроительных заводов и других предприятий, чтобы его не мог использовать противник в случае занятия Москвы для производства боеприпасов. Кроме того, он предложил командующему Московским военным округом генералу Артемьеву подготовить план обороны города, имея в виду удержать если не весь город, то хотя бы часть его до подхода основных резервов. Когда подойдут войска из Сибири, будет организован прорыв, и немцев вышибут из Москвы.

Сталин сказал, что правительство и иностранные посольства надо эвакуировать в Куйбышев, а наркоматы — в другие города. Он предложил Молотову и мне вызвать немедленно всех наркомов, объяснить им, что немедленно, в течение суток необходимо организовать эвакуацию всех наркоматов.

Мы согласились с предложением Сталина. Обстановка требовала немедленно принять меры. Только, видимо, надо было это делать раньше и спокойнее, но мы не могли всего предвидеть. Тут же я вышел в комнату Поскребышева и позвонил управляющему делами Совнаркома СССР, чтобы тот вызвал всех наркомов. По нашим расчетам, через 15 минут они должны были уже быть.

Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня же. “Я выеду завтра утром”, — сказал он. Я не утерпел и по своей вспыльчивости спросил: “Почему, если ты можешь ехать завтра, мы должны ехать сегодня? Мы тоже можем поехать завтра. А, например, Щербаков (секретарь МК партии) и Берия (НКВД) вообще должны организовать подпольное сопротивление и только после этого покинуть город”. И добавил твердо: “Я остаюсь и завтра поеду вместе с тобой”. Другие молчали. Вообще, постановка этого вопроса была так неожиданна, что не вызвала никаких других мнений.

Сталин не возражал против такого частичного изменения плана и перешел к решению конкретных задач подготовки города на случай прорыва немцев, уточнения, какие заводы следует заминировать (автомобильный, по производству боеприпасов и др.).

В тот же день, 16 октября 1941 г., было принято постановление ГКО, предусматривающее начать немедленную эвакуацию из столицы, а в случае появления в городе фашистских танков взорвать важнейшие объекты, за исключением метрополитена, водопровода и канализации⁵⁴.

Уважаемый А. И. Микоян ошибается, когда называет дату принятия решения ГКО об эвакуации. Сам этот документ, полностью опубликованный лишь в 1990 г., гласил:

“Об эвакуации столицы СССР г. Москвы
Постановление Государственного Комитета Обороны

15 октября 1941 г.

Сов. секретно

Особой важности

Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС — т. Каганович обеспечивает своеувре-

⁵⁴ Анастас Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 417–418.

менную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану.)

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Stalin эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ**

И. СТАЛИН⁵⁵.

ГКО решил эвакуировать из Москвы часть партийных и правительственные учреждений, крупные оборонные заводы, научные и культурные учреждения. Верховный Главнокомандующий, часть ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) оставались в Москве. Москвичи, помогая войскам, в короткий срок построили внешний оборонительный пояс и возвели укрепления внутри города. Тысячи рабочих, служащих, деятелей науки, искусства добровольно шли в коммунистические батальоны. Из 25 вновь созданных в октябре 1941 года добровольческих рот и батальонов в Москве были сформированы 3 дивизии народного ополчения, 4-я комплектовалась из призывных контингентов.

В ожесточённых боях, развернувшихся на Можайской линии обороны в середине октября, советские войска оказали героическое сопротивление превосходящим силам врага и задержали его на несколько дней. Только величайшим напряжением сил удалось остановить врага на рубеже рр. Протва и Нара. Столы же ожесточённые бои шли на др. участках западного направления. 17 октября был оставлен Калинин. Для прикрытия столицы с северо-запада 17 октября на базе войск правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я, 30-я и 31-я армии) был создан Калининский фронт (командующий генерал-полковник И.С. Конев). Попытка врага нанести удар из р-на Калинина в тыл фронта была сорвана, а его наступление на тульском направлении было остановлено.

4. Мобилизация всех сил страны для разгрома врага: доклад Сталина 6 ноября и речь на параде 7 ноября 1941 г.

Нарисованная крупными мазками картина первых месяцев войны, объективный анализ серьезнейших поражений советской армии, а также крупных военно-стратегических ошибок Сталина, с одной стороны, а также показ того, как вся страна от мала до велика поднялась на смертельную борьбу с гитлеровскими войсками, вторгшимися в Советский Союз, с другой стороны, дает читателю достаточно четкое представление о всей сложности и серьезности сложившегося положения. Непредубежденный читатель способен на основании изложенного сделать свои собственные выводы о роли Сталина в начальный период войны.

⁵⁵ "Известия ЦК КПСС". 1990 г. №. 12. С. 217.

Причем здесь неуместны как восхваления и всякого рода суперлативы, так и одни черные краски — вернее, мазут, которым мажут этот период, и особенно деятельность Сталина как высшего государственного, военного и политического руководителя государства. Можно только гадать, какие мысли и чувства обуревали вождя в тот период, если бы имелась возможность заглянуть в его душу. Но это — лежит за пределами возможностей. Да и не пристало историку заниматься пустыми гаданиями на кофейной гуще. Поэтому обратимся к реальным фактам.

Весьма любопытно свидетельство авиаконструктора А. Яковлева, который приводит следующие, на мой взгляд, вполне достоверные, заслуживающие безоговорочного доверия, факты. В своих воспоминаниях он писал: "Сталин говорил, что только в нашей стране возможно положение, когда при таких военных успехах врага народ единодушно и сплоченно стал на защиту своей Родины. Ни одна другая страна, по его мнению, не выдержала бы таких испытаний, ни одно другое правительство не удержалось бы у власти.

В то же время он с горечью и большим сожалением высказал мысль, что некоторые наши военные (речь шла о высшем командном составе) надеялись на свою храбрость, классовую сознательность и энтузиазм, а на войне оказались людьми недостаточно высокой культуры, недостаточно подготовленными в области технической.

— Многие у нас кичатся своей смелостью, одна смелость без отличного овлачения боевой техникой ничего не даст. Одной смелости, одной ненависти к врагу недостаточно. Как известно, американские индейцы были очень храбрыми, но они ничего не могли сделать со своими луками и стрелами против белых, вооруженных ружьями. Нынешняя война, — говорил Stalin, — резко отличается от всех прошлых войн. Это война машин. Для того чтобы командовать массами людей, владеющих сложными боевыми машинами, нужно хорошо их знать и уметь организовать.

Одной из серьезных причин наших неудач на фронте он считал нечеткое взаимодействие отдельных родов оружия. Он рассказал нам о мероприятиях, которые проводятся для того, чтобы в кратчайший срок изжить все эти недочеты. И действительно, скоро мы все убедились по изменившейся обстановке на фронте под Москвой, что эти мероприятия оказали свое огромное влияние на ход дальнейших военных операций...

Мне очень хотелось задать ему еще один вопрос, но я все не решался, однако, уже прощаясь, все-таки не вытерпел:

— Товарищ Stalin, а удастся удержать Москву?

Он ответил не сразу, прошелся молча по комнате, остановился у стола, набил трубку свежим табаком.

— Думаю, что сейчас не это главное. Важно побыстрее накопить резервы. Вот мы с ними побарахтаемся еще немного и погоним обратно...

Он подчеркнул мысль о том, что Германия долго выдержать не сможет. Несмотря на то, что она использует в войне ресурсы всей Европы. Сырьевых ресурсов у Гитлера надолго не хватит. Другое дело у нас.

Stalin повторил несколько раз:

— Государство не может жить без резервов!

Этот разговор по возвращении в наркомат я записал дословно⁵⁶.

Москва находится в угрожаемом положении, ее судьба буквально висит на

⁵⁶ А.С. Яковлев. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000. С. 229.

волоске. В такой ситуации от Сталина армия и весь народ, а широко глядя, и весь мир, ждут того, как он оценивает обстановку, какие видит перспективы, на что, наконец, надеется, когда фашистский фюрер и вся германская пропаганда трутят о близкой и неминуемой сдаче Москвы и триумфальном окончании восточной кампании. Легковерные люди склонялись к выводу о том, что победа Гитлера неизбежна — и вопрос стоит только о сроках, причем ближайших сроках. Мыслящие же люди не были столь легковерны, поскольку они исходили из фактов и подвергали их объективному анализу. И самый главный факт заключался в том, что война на Востоке, как небо от земли, отличалась от всех прежних военных кампаний Гитлера. Она не просто затягивалась, а обретала все черты длительной и напряженной кампании, говорить об окончательном исходе которой было не просто трудно, а невозможно. Накопилось слишком много доказательств того, что хвастовство немецкой пропаганды уже мало кого из мыслящих людей убеждало в чем-то. И неудивительно, что в те недели осени и зимы мир затаил дыхание: все взоры были обращены на Восток, в сторону России, в сторону Москвы. Многие отдавали себе отчет в том, что речь идет не о каком-то локальном сражении, а о противоборстве, в буквальном смысле затрагивающем судьбы всего мира, перспективы мирового развития в целом. Иными словами, происходившее на необъятных просторах Советской России обретало поистине глобальный геополитический смысл.

В такой обстановке любое публичное выступление Сталина ожидалось с огромным интересом и, я бы сказал, нетерпением и напряжением. Разумеется, в данном случае речь шла не о пропаганде, а о проблемах жизненно важного значения. Stalin и как многоопытный политик, и как государственный деятель все это прекрасно понимал. И, несмотря на сложнейшую ситуацию под Москвой и в самой Москве, он решил не нарушать сложившуюся традицию: было решено, что он выступит с докладом об очередной годовщине Октябрьской революции. И самое неожиданное — он отдал распоряжение о проведении на Красной площади традиционного военного парада. Правда, традиционным этот парад назвать никак нельзя: некоторым казалось, что его проведение в осажденной столице равносильно своего рода безумию или, по крайней мере, шагом весьма рискованным и неоправданным. Не удивительно, что многие советские военачальники были крайне поражены решением Сталина провести парад на Красной площади, они думали, что время не для парадов. С тем большим энтузиазмом и даже восторгом они восприняли данное решение вождя.

Stalin же, как тонкий политический психолог, в свою очередь, осознавал колоссальное значение проведения этих двух мероприятий для всей страны, для всей армии, для всего народа и, конечно, для всего мира, не исключая и зарвавшихся гитлеровских вояк. Морально-психологическое значение парада трудно даже переоценить — настолько он был нужен и важен. Все должны были воочию убедиться, что Москва не просто держится, но и полна уверенности в своей победе. Хотя, конечно, путь к ней был тернист, долг и полон колоссальных испытаний и жертв. Один лишь факт проведения парада стал мощным стимулом для Красной Армии и всего населения великой страны: люди воочию, а не благодаря пропаганде и агитации, убедились, что наше положение, особенно ситуация под Москвой, отнюдь не такие скверные, как представлялось некоторым. Это сейчас, по прошествии многих десятилетий, проведение парада в осажденной Москве выглядит закономерным и оправданным шагом. Тогда же это явилось мероприятием колоссального значения. Мне представляется, что парад 41 года стал сво-

его рода прародителем парада победы в 1945 году. Он как бы передал историческую эстафету будущей победе нашей страны в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом.

В помещении станции метро "Маяковская" 6 ноября 1941г. Сталин выступил с довольно обширным докладом.⁵⁷ Прежде всего он подчеркнул качественно иной характер переживаемой страной эпохи, отметив, что война стала поворотным пунктом в развитии нашей страны за истекший год. Война значительно сократила, а в некоторых областях прекратила вовсе нашу мирную строительную работу. Она заставила перестроить всю нашу работу на военный лад. Она превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот.

Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками – таков был лейтмотив сталинского доклада. В соответствии с этим все внимание было сосредоточено на проблемах ведения войны и достижения успеха в этом деле. Верховный Главнокомандующий не стал скрывать характер и масштабы угрозы, которая нависла над страной, подчеркнув, что они увеличились по сравнению с тем, как он оценивал их 3 июля 1941 года. Stalin четко заявил, что опасность не только не ослабла, а, наоборот, еще более усилилась. Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице – Москве. Немецко-фашистские захватчики грабят нашу страну, разрушают созданные трудами рабочих, крестьян и интеллигенции города и села. Гитлеровские орды убивают и насилуют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков. Наши братья в захваченных немцами областях нашей страны стонут под игом немецких угнетателей.

"Потоки вражеской крови пролили бойцы нашей армии и флота, защищая честь и свободу Родины, мужественно отбивая атаки озверелого врага, давая образцы отваги и геройства. Но враг не останавливается перед жертвами, он ни на йоту не дорожит кровью своих солдат, он бросает на фронт все новые и новые отряды на смену выбывшим из строя и напрягает все силы, чтобы захватить Ленинград и Москву до наступления зимы, ибо он знает, что зима не сулит ему ничего хорошего".

Вождь привел цифры потерь Красной Армии, явно далекие от действительных. За 4 месяца войны Советский Союз якобы потерял убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых – 1 миллион 20 тысяч человек. Что же касается потерь немцев, то Stalin привел совершенно несерьезную цифру: за этот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4 с половиной миллионов человек. Эта эквилибристика с цифрами нужна была вождю, чтобы далее обосновать тезис о провале планов "молниеносной войны", бывшей краеугольным камнем всей гитлеровской военно-политической стратегии. По этому поводу можно разделить мнение А. Верта: "Весьма сомнительно, чтобы кто-нибудь в России мог поверить этим цифрам, но, пожалуй, было необходимо преувеличить потери немцев, дабы подкрепить утверждение Сталина, что молниеносная война уже провалилась"⁵⁸.

⁵⁷ Доклад и речь даются по книге И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. С. 18–40.

⁵⁸ Александр Верт. Россия в войне 1941–1945. С. 158.

Сам по себе тезис о крахе blitzkriega являлся совершенно обоснованным и подтверждался реальным ходом событий на советско-германском фронте. Другой вывод Сталина, хотя и содержал в себе некоторую долю истины (если исходить из перспективы, а не тогдашней ситуации), был таков: "Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме".

Обосновывая причины краха "молниеносной войны", согласно которым немцы намеревались за два месяца дойти до Урала, Сталин явно односторонне и поэтому неверно истолковал то, что Гитлер и его камарилья серьезно надеялись создать всеобщую коалицию против СССР, вовлечь Великобританию и США в эту коалицию, предварительно запугав правящие круги этих стран призраком революции, и полностью изолировать таким образом нашу страну от других держав. В докладе советский лидер с полной обоснованностью отметил, что Великобритания и США, наоборот, оказались в одном лагере с СССР против гитлеровской Германии. СССР не только не оказался изолированным, а, наоборот, приобрел новых союзников в лице Великобритании, США и других стран, оккупированных немцами. Оказалось, что немецкая политика игры в противоречия и в запугивание призраком революции исчерпала себя и уже не годится для новой обстановки. И не только не годится, но еще чревата большими опасностями для немецких захватчиков, ибо она ведет в новых условиях войны К прямо противоположным результатам.

И с этим выводом Сталина нельзя не согласиться, поскольку он базировался не только на реальном положении в мире, но и на его незаурядной политической интуиции, на его проверенной опытом мирового развития политической стратегии. Вождь обладал способностью не только с железной последовательностью реализовывать свои долгосрочные цели, но и – когда того требовали изменившиеся условия – вносить серьезные, подчас коренные, фундаментальные корректировки как в свою тактику, так и стратегию. Было бы наивным полагать, что всегда неизменными, как священные заветы Писания или Корана, оставались важнейшие положения всей его политической философии. Он умел ставить свою политическую философию на службу реальной политике. Что, однако, не означает, что его политическая философия играла роль своего рода флюгера. Напротив, ее основополагающие принципы неизменно соблюдались и воплощались в жизнь, подвергаясь вместе с тем проверке в ходе практической деятельности. Stalin никогда не был рабом каких-либо теоретических догм, в том числе и своих собственных.

Принципиально важным был вопрос о том, как и с помощью каких достаточно убедительных аргументов объяснить населению, да и бойцам Красной Армии, причины столь серьезных поражений и неудач наших войск, то, что фашисты оказались чуть ли не у стен древнего Кремля. Обойти этот вопрос было просто невозможно, ибо народ ждал ответа именно от Сталина. Разумеется, откровенно и со всей полнотой раскрыть причины наших провалов было невозможно по мотивам, достаточно ясным каждому мыслящему человеку, поскольку тогда бы пришлось затрагивать военно-стратегические аспекты, представлявшие собой военную тайну. Но тем не менее в самых общих чертах и вполне логично Stalin очертил основной круг причин наших поражений.

На первое место он поставил отсутствие второго фронта. Он подчеркнул, что в настоящее время на европейском континенте не существует каких-либо армий

Великобритании или Соединенных Штатов Америки, которые бы вели войну с немецко-фашистскими войсками, ввиду чего немцам не приходится дробить свои силы и вести войну на два фронта — на западе и на востоке. Ну а это обстоятельство ведет к тому, что немцы, считая свой тыл на западе обеспеченным, имеют возможность двинуть все свои войска и войска своих союзников в Европе против нашей страны. Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи, против соединенных сил немцев, финнов, румын, итальянцев, венгерцев. Немцы кичатся своими временными успехами и расхваливают свою армию без меры, уверяя, что она всегда может одолеть Красную Армию в боях один на один. Но уверения немцев представляют пустое хвастовство, ибо непонятно, почему же в таком случае немцы прибегли к помощи финнов, румын, итальянцев, венгерцев против Красной Армии, воюющей исключительно своими силами, без военной помощи со стороны. Нет сомнения, что отсутствие второго фронта в Европе против немцев значительно облегчает положение немецкой армии.

Этот аргумент звучал убедительно, и следует особо отметить, что он адресовался не только советским людям. Он звучал как скрытый упрек и призыв к западным державам, в интересах которых было как можно скорее открыть реальный второй фронт против Германии и ее союзников, чтобы ускорить крах агрессоров.

Другой важной причиной вождь назвал недостаток у нас танков и отчасти авиации, хотя и подчеркнул, что советские танки и самолеты по своим параметрам не хуже, а лучше немецких. Однако Германия опиралась на экономическую мощь не только свою собственную, но и всей оккупированной части Европы, что позволяло ей обеспечивать превосходство в этих видах вооружений. К тому же — и об этом нельзя забывать — значительная часть советской военной промышленности была перебазирована на Восток, и в неимоверно трудных условиях шел процесс налаживания военного производства. Stalin поставил в качестве наиважнейшей задачи — увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, а также резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов, строить побольше противотанковых рвов и всякого рода других противотанковых препятствий.

В докладе вождь счел необходимым остановиться на том, чтобы показать, что гитлеровский режим не имеет ничего общего ни с социализмом, ни с национализмом, хотя и называет себя национал-социалистским. В наши дни представляется излишним детально останавливаться на этой проблеме, поскольку она утратила даже чисто историческое значение. Цитатами из Гитлера Stalin реально показал, насколько смертельно опасным и непримиримым является германский фашизм, какую угрозу он представляет для народов Советской России и других стран. Этот момент стоит выделить и акцентировать на нем внимание читателей, поскольку он послужит весомым доказательством в дальнейшем — при рассмотрении сюжетов, связанных с так называемыми попытками Сталина пойти на заключение сепаратного мира с Гитлером за счет территориальных и иных уступок в пользу Германии.

Особым пафосом были проникнуты слова Сталина, воспринятые всем населением страны, как своего рода священный наказ. “И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации — нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!

Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, прорвавшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов.

Никакой пощады немецким оккупантам!

Смерть немецким оккупантам!»⁵⁹

В приведенном выше пассаже четко выражена мысль о ведущей роли русского народа в Великой Отечественной войне, после войны развитая Сталиным и ставшая впоследствии предметом ожесточенных нападок и обвинений его в национальном пристрастии, в забвении принципа равенства наций и т.д. и т.п. В дальнейшем этим сюжетам будут посвящены многие страницы тома. Сейчас же хочется оттенить одну мысль – в самую трудную для государства годину ее лидер счел крайне необходимым подчеркнуть особую роль русского народа как ведущей силы не только в создании многонационального государства, но и в борьбе против тех, кто пытался уничтожить это государство и превратить ее народы в рабов.

Далее Сталин в своем докладе остановился на анализе основных факторов, которые с неминуемой закономерностью должны будут и приведут гитлеровскую Германию к краху. Он отметил, во-первых, непрочность европейского тыла империалистической Германии, непрочность “нового порядка” в Европе. Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на кресте поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство в Германии. “Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что “новый порядок” в Европе и пресловутая “основа” этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик, – подчеркнул Сталин. – Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует, как Наполеон, и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами. Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять, что порабощенные народы Европы будут бороться и будут восставать против гитлеровской тирании”⁶⁰.

Во-вторых, советский лидер выдвинул тезис о непрочности самого немецкого тыла и союзников Германии. Что касается союзников Германии, то здесь он был в целом, безусловно, прав. Однако его радужные надежды на то, что немецкий тыл будет неизменно разлагаться, подрывая мощь режима, оказались, как показала история, всего лишь радужными надеждами. Серьезного сопротивле-

⁵⁹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 30.

⁶⁰ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 31–32.

ния своей политике, несмотря на многочисленные поражения, в самой Германии фюрер не встретил. И это – факт, который, однако, не ставит под сомнение существование и мужественную борьбу немецких антифашистов. Однако масштабы движения сопротивления в самой Германии были более чем скромными. Лишь на исходе войны (1944 г.) в антигитлеровских кругах созрела идея устранения фюрера путем покушения на него, но она оказалась неудачной. Правда, нельзя не заметить, что разного рода планы устраниния Гитлера существовали и ранее, однако они оказались нереализованными по различным причинам.

Что же касается ставки Сталина на рост движения сопротивления в оккупированных Германией странах, то здесь его прогноз в целом оказался исторически верным и подтвердился на практике. Но на период конца 1941 года реальная для Советского Союза значимость этого фактора была достаточно скромна, чтобы серьезно повлиять на развитие ситуации на советско-германском фронте. Однако особо следует выделить решительную и мужественную борьбу народов Югославии, которые после нападения Германии на Советский Союз значительно активизировали партизанскую войну против гитлеровских оккупантов, ставшую важнейшим фактором развития ситуации в Югославии. Эта борьба со временем приобрела характер настоящей войны с немецкими захватчиками и отвлекала с Восточного фронта немало немецких сил. Нарастало движение сопротивления и в других странах, особенно во Франции, народ которой не смирился с позорной капитуляцией перед Гитлером вишистского режима Петэна–Даладье. Постепенно силы сопротивления и борьбы против гитлеровской Германии росли и объединились под руководством генерала де Голля.

Наконец, в качестве третьего важнейшего фактора неминуемого поражения гитлеровской Германии Сталин назвал существование антигитлеровской коалиции, которая тогда начала реально складываться. Однако понадобилось немало времени, чтобы эта коалиция превратилась в один из решающих факторов борьбы против Германии. Предстояло пройти еще слишком большой и трудный путь, чтобы антигитлеровская коалиция в полную меру развернула свои колossalные потенциальные возможности. В тот же период Сталин опирался, как бы оставляя в тени трудности в создании и функционировании коалиции, на чисто арифметические выкладки. Он говорил: “Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов. Если соединить моторное производство США, Великобритании и СССР, то мы получим преобладание в моторах по сравнению с Германией, по крайней мере, втрое. В этом одна из основ неминуемой гибели гитлеровского разбойниччьего империализма”⁶¹.

Принципиальное значение в докладе Сталина имело формулирование (правда, в лаконичной форме) принципиальных целей и задач, которыеставил в этой войне Советский Союз. Сталин подчеркнул, что “у нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, — все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабощенным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им впол-

⁶¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 33.

не свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!"⁶²

Несмотря на лалидарность изложения внешнеполитических целей Советской России в войне, четко и однозначно сформулировать принципиальную позицию было чрезвычайно важно. Ведь прошло всего несколько месяцев с тех пор, как СССР имел пакт с Германией. Прежняя широкая антисоветская пропаганда во многих странах мира дала свои плоды, и было немало людей, которые все еще считали, что Советская Россия имеет далеко идущие планы приобретения чужих территорий, особенно в Восточной Европе, на своих южных границах (Иран, Турция) и в других регионах, имевших для нее значение с точки зрения укрепления своих военно-стратегических позиций. Сталин в своем докладе четко и вполне определенно отмежевался от такого рода притязаний, что, безусловно, в той международной обстановке имело отнюдь не чисто дипломатическое и тем более пропагандистское значение.

Давая ретроспективную оценку докладу Сталина и ее международной части, следует оттенить следующую мысль. Stalin пришел к выводу, что война с Германией произвела подлинную революцию в расстановке геополитических сил в мире и что в ходе войны и после ее окончания на земном шаре сложится совершенно новая геополитическая картина. И он заблаговременно продумывал новые элементы, на базе которых будут формироваться устои нового мироздания. Я хочу акцентировать внимание читателей на том, что уже в тот период вождь пытался заглянуть в будущее, мыслил не только категориями тогдашнего времени, но и намечал контуры будущей глобальной политики Советского Союза. Это говорит о многом.

Хотя, естественно, на первом плане стояли совершенно иные, куда более жизненные и злободневные проблемы: создание всех необходимых условий для достижения победы в войне против гитлеровской Германии. Stalin четко определил основные задачи для достижения этой цели:

"Для этого необходимо, чтобы наша армия и наш флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всей нашей страны, чтобы наши рабочие и служащие, мужчины и женщины, работали на предприятиях, не покладая рук, и давали бы фронту все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий"⁶³.

Речь Сталина на параде отправлявшихся прямо с Красной площади на передовую частей в основном в суммированном виде повторяла положения, сформулированные ранее в докладе. Он вновь подчеркнул, что вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают

⁶² И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 34.

⁶³ И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 35.

атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна — организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.⁶⁴ Сталин, подчеркивая серьезность положения, вместе с тем заявил, что в истории Советской России бывали времена и похуже, сославшись на перипетии Гражданской войны. Возможно, сравнение и было верным, но оно представляется мне несколько натянутым, поскольку речь шла о войнах совершенно различного характера. Здесь снова прозвучали классовые мотивы, которые в нынешней войне уже отступили на второй план по сравнению с коренными национально-государственными интересами всех народов нашей страны.

Оценивая речь Сталина с исторической перспективы, хорошо видишь те благие заблуждения, которые тогда владели им. Возможно, они мотивировались стремлением внушить армии и стране большую уверенность в своих силах, в скромом окончании войны, скором конце тех неимоверных страданий и трудностей, которые выпали на долю всего населения страны. Однако эти соображения едва ли оправдывали необоснованный оптимизм и сверхрадужные надежды, вселявшиеся вождем в души людей. Stalin заявил буквально следующее: «В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подавленными под игом немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»⁶⁵.

Как говорится, его бы устами да мед пить. Жизнь опрокинула эти необоснованные прогнозы и, безусловно, заставила Сталина впредь быть более осторожным, более точным и не делать такие прогнозы, которые с треском опрокидывались реальной жизнью. Это, видимо, был хороший урок для него.

Но особенно сильно и впечатляюще прозвучали заключительные слова речи Сталина. Они стали хрестоматийными, ибо были глубоки по содержанию и пре-восходны по форме выражения. Обращаясь к воинам и партизанам, ко всем, кто вел эту суровую борьбу, он сказал: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подавленные под игом немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»⁶⁶

Стоит, видимо, привести краткую оценку этих выступления Сталина в его официальной биографии, игравшей роль своего рода катехизиса по изучению основ сталинизма в сталинские времена. В ней, в частности, говорилось: «С суровой прямотой вождь армии и народа сказал, что серьезная опасность, навис-

⁶⁴ И. Стalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 38.

⁶⁵ И. Стalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 39.

⁶⁶ И. Стalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 39–40.

шая над страной, не ослабла, а еще более усилилась. И в то же время с величайшей прозорливостью товарищ Сталин предвидел, что разгром немецких империалистов и их армий неминуем⁶⁷. И далее: “Товарищ Сталин поставил задачу свести к нулю численное превосходство немцев в танках и авиации и тем самым коренным образом улучшить положение нашей армии. Это указание вождя имело величайшее значение для исхода войны. Выполняя это указание, советская промышленность из месяца в месяц увеличивала выпуск самолетов, танков и средств борьбы с ними, ликвидировав в ходе войны превосходство врага в численности боевой техники”⁶⁸.

Завершая данный раздел, думается, следует еще раз подчеркнуть колossalное значение выступлений Сталина в ноябре 1941 года. С докладом о годовщине Октябрьской революции он выступил впервые за все время своей политической и государственной деятельности. Следует заметить, что он вообще не отличался многословием, в том числе и в своих публичных речах, и это еще более подчеркивало значимость всего сказанного им. Люди привыкли к тому, что вождь обращается с публичными речами тогда, когда в этом есть реальная потребность. И слушая выступления Сталина по радио, все понимали серьезность ситуации и делали соответствующие выводы. Такого рода выступления Сталина явились одним из факторов мобилизации сил армии и народа для разгрома зарвавшегося врага. В воздухе, можно сказать, витало ощущение того, что страна стоит перед событиями исторического значения. События полностью подтвердили это.

5. Разгром немцев под Москвой

Начавшееся 30 сентября – 2 октября 1941 г. немецко-фашистское наступление на Москву продолжалось. Частично, некоторые моменты битвы за Москву мной уже освещены выше. Здесь я коснусь в самых общих чертах того, как в дальнейшем развивалась эта битва и чем она завершилась, причем в изложении фактов буду опираться на статью, написанную главным героем московского сражения Г.К. Жуковым для третьего издания Большой Советской энциклопедии. Полагаю, что Жуков лучше, чем кто-либо другой знаком с реальными фактами и больше, чем кто-либо другой вправе давать оценки этому историческому сражению.

Наступление гитлеровских войск на Москву возобновилось с Северо-Запада 15–16 ноября, с Запада – 18 ноября. Гитлеровское командование считало положение Москвы безнадежным и было уверено в успехе. Танковыми ударами из районов Волоколамска и Тулы оно рассчитывало расчленить наши войска, охватить Москву с севера и юга и, сомкнув танковые клещи, захватить ее.

Главные удары противник наносил в направлениях Клин – Рогачёво, пытаясь обойти Москву с Севера, и на Тулу – Каширу в обход столицы с Юга. Ценой больших потерь в конце ноября врагу удалось овладеть р-ном Клин, Солнечногорск, Истра, выйти к каналу Москва–Волга в р-не Яхромы и занять Красную Поляну (в 27 км от Москвы). Здесь он был остановлен и вынужден перейти к обороне. В конце ноября шли ожесточённые бои в р-не Каширы и Тулы. Советское командование подтянуло дополнительные силы на наиболее угрожаемые уча-

⁶⁷ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С. 190.

⁶⁸ Там же. С. 191.

стки. 27 ноября советские войска нанесли контрудар по 2-й танковой армии генерала Гудериана и отбросили её от Каширы.

Примерно в эти дни Гудериан писал: "Наши войска испытывают мучения, и наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное. Наилучшие пожелания терпят крах из-за стихии. Единственная в своем роде возможность нанести противнику мощный удар улетучивается все быстрее и быстрее, и я не уверен, что она может когда-либо возвратиться. Одному только Богу известно, как сложится обстановка в дальнейшем. Необходимо надеяться и не терять мужества, однако это тяжелое испытание..."

Будем надеяться на то, что в ближайшее время я смогу писать в более радостном тоне. О себе я не беспокоюсь. Однако в настоящее время трудно быть в хорошем настроении"⁶⁹.

Потерпев поражение под Каширой, 2-я немецкая танковая армия попыталась обойти Тулу с Северо-Востока и перерезала железную дорогу и шоссе Серпухов – Тула. Контрударом советские войска отбросили врага на исходные позиции. Появились признаки кризиса немецко-фашистского наступления. Инициатива действий стала переходить к советским войскам. Причем не только на каких-либо отдельных участках, но, как можно судить по высказываниям самих немецких военачальников, перелом в ситуации явно намечался и в целом на фронте под Москвой и окружавшими ее городами и населенными пунктами. Готовясь к решающему сражению, советское командование продолжало укреплять Западный фронт. Возросло количество самолетов, артиллерии, включая реактивную. Вся политическая работа в войсках была подчинена лозунгу: "Отстоим родную Москву! Под Москвой должен начаться разгром немецко-фашистских захватчиков!"

Сражение сразу же приняло небывало ожесточенный характер, особенно на северо-западных подступах к городу. Стойко держала оборону 16-я армия под командованием К.К. Рокоссовского. Войска этой армии – 316-я дивизия И.В. Панфилова, кавалерийская группа Л.М. Доватора, 1-я гвардейская танковая бригада М.Е. Катукова и другие соединения и части – мужественно приняли чудовищный удар танкового тарана и не пропустили врага через передний край.

Бессмертный подвиг совершила у разъезда Дубосеково группа истребителей танков 1075-го полка 316-й дивизии во главе с политруком роты В.Г. Клочковым. Герои стояли насмерть на своем рубеже. В те дни родились крылатые слова, которые выразили чувства и мысли всех защитников Москвы, всех советских патриотов: "Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва".

1 дек. командование группы армий "Центр" предприняло новую попытку прорваться к Москве в р-не Апрелевки, но и она кончилась провалом. Ставка ВГК приказала, кроме переданных Западному фронту из резерва Ставки 1-й ударной, 10-й и 20-й армий, включить в состав Московской зоны обороны 24-ю и 60-ю армии. 2 декабря передовые части 1-й ударной и 20-й армий отразили все атаки противника севернее Москвы в р-не Дмитрова и южнее и вынудили его прекратить наступление. 3–5 дек. 1-я ударная и 20-я армии нанесли несколько сильных контрударов в р-не Яхромы и Красной Поляны и начали теснить врага. Левофланговые дивизии 16-й армии во взаимодействии с 5-й армией отбросили противника из большой излучины р. Москвы северо-восточнее Звенигорода.

⁶⁹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999. (Электронная версия).

Ударная группа 33-й армии, разгромив 4–5 дек. вражеские части, восстановила положение на р. Нара. 50-я и 49-я армии отбили все атаки врага севернее Тулы. Таким образом, в результате контрударов советских войск в начале декабря были сорваны последние попытки врага прорваться к Москве. Только с 16 ноября по 5 декабря противник потерял под Москвой 155 тыс. чел. убитыми и ранеными, ок. 800 танков, 300 орудий и ок. 1500 самолётов. В ходе обороны столицы были надломлены силы и моральный дух гитлеровской армии. Создались предпосылки для перехода сов. войск в контрнаступление.

Следует привести данные о соотношении сил сторон к началу советского контрнаступления под Москвой. Советские войска: люди – 718800, орудия и минометы – 5900, танки – 667, самолеты – 762. Противник: люди – 801000, орудия и минометы – 10400, танки – 1000, самолеты – 615.⁷⁰ Как видим, почти по всем показателям, немецкие войска имели превосходство. Но их дух уже был в корне подорван, солдаты и командиры находились в состоянии глубокой деморализации.

Советское контрнаступление. Официальная биография Сталина утверждает, что товарищ Сталин лично руководил обороной Москвы, непосредственно направляя действия Красной Армии, вдохновляя бойцов и командиров, следил за ходом строительства оборонительных сооружений на подступах советской столицы. В декабре 1941 года по приказу товарища Сталина на немецкие войска внезапно обрушились удары нескольких советских армий, сосредоточенных в районе Москвы.⁷¹ Думается, что в приведенном пассаже мало преувеличений, хотя, конечно, конкретные планы подготовки и реализации контрнаступления готовились не им, а Жуковым, другими военачальниками, Генеральным Штабом и Ставкой в целом. Однако на этом основании отрицать важную роль Сталина не только в обороне Москвы, но и в организации контрнаступления, конечно, нельзя, если не идти против истины и фактов.

В условиях тяжелых оборонительных боев, ограниченности времени, общей недостачи сил и средств Ставка Верховного Главнокомандования, военные советы фронтов, сражавшихся за Москву, настойчиво и целеустремленно готовили контрнаступление. Все руководство прибывавшими резервами, их использование было сосредоточено непосредственно в руках Ставки. И в конце ноября – начале декабря она значительно укрепила войска, оборонявшие Москву. В их состав были направлены три резервные армии, новые стрелковые и кавалерийские дивизии.

К намеченному контрнаступлению привлекались войска Калининского и Западного фронтов и 2 правофланговые армии Юго-Западного фронта (командующий С.К. Тимошенко). Главный удар наносил Западный фронт. Замысел советского командования заключался в том, чтобы разгромить ударные группировки противника и отбросить их остатки дальше от столицы. Выполнению этого замысла должны были способствовать войска, наступавшие на тихвинском и ростовском направлениях, авиация Резерва ВГК и партизаны, действовавшие в тылу врага.

Уместно напомнить, что Сталин своевременно учел природный фактор, предстоящее наступление зимы и отдал 17 ноября 1941 г. приказ, основное содержание которого сводилось к следующему: опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет

⁷⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 1. С. 240.

⁷¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 193.

теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сарайах, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, вытнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования приказала разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. Были предусмотрены и соответствующие меры для реализации поставленной задачи.⁷²

Наверняка кому-то данное распоряжение Сталина и покажется чудовищно-безжалостным, отражающим его бесчеловечное отношение к людям. Однако задним числом судить обо всех таких вещах было бы глубоким упрощением. В то время главной, подчиняющей все себе, задачей являлось создание всех возможных условий для организации разгрома врага. Да и круг возможностей, из которых приходилось делать выбор, был более чем скромным. Достижению победы были подчинены все средства, в том числе и такие, о которых здесь идет речь.

Контраступление началось 5–6 декабря на фронте от Калинина до Ельца. Боевые действия сразу же приняли ожесточённый характер. Несмотря на отсутствие превосходства в силах и средствах, на сильные морозы, глубокий снежный покров, войска левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов уже в первые дни контраступления прорвали оборону противника южнее Калинина и северо-западнее Москвы, перерезали железную дорогу и шоссе Калинин – Москва и освободили ряд населённых пунктов. Одновременно с войсками, наступавшими северо-западнее Москвы, перешли в контраступление войска левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Сильные удары войск Красной Армии по фланговым группировкам группы армий “Центр”, предназначенным для окружения Москвы, заставили немецкое командование принять меры по спасению своих войск от разгрома. 8 декабря 1941 г. Гитлер подписал директиву о переходе к обороне на всём советско-германском фронте. Группа армий “Центр” получила задачу любой ценой удерживать важные в стратегическом отношении районы. 9 декабря советские войска освободили ряд населенных пунктов, в том числе и город Калинин. Успешно действовали и другие

⁷² И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 283–284.

фронты и соединения Красной Армии. К началу января 1942 года войска Западного фронта вышли на рубеж рр. Лама и Руза. Все это в целом создавало благоприятные условия для окружения группы армий "Центр". Однако достаточных сил у наступающих советских войск для этого не было. Темпы контрнаступления замедлились.

В начале января 1942 года было завершено контрнаступление, в результате которого были разгромлены основные силы 2-й, 3-й и 4-й танковых армий и соединения 9-й армии немцев. 38 немецких дивизий (в т. ч. 11 танковых и 4 моторизованных) потерпели тяжёлое поражение. Разгром ударных группировок, наступавших на Москву, вызвал растерянность немецко-фашистского командования. Гитлер снял с постов главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, командующего группой армий "Центр" Ф. Бока, командующих 2-й и 4-й танк. и 9-й армиями Х. Гудериана, Э. Гёпнера, А. Штрауса.

Немецкий генерал Г. Блюментритт писал: "Московская битва принесла немецким войскам первое крупное поражение во второй мировой войне. Это означало конец blitzkrieg, который обеспечил Гитлеру и его вооруженным силам такие выдающиеся победы в Польше, Франции и на Балканах. Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну. Теперь нам пришлось вести войну с более сильным противником, чем тот, с которым мы встречались до сих пор. На бескрайних просторах Востока нельзя было рассчитывать на легкие победы"⁷³.

Пожалуй, здесь стоит упомянуть об одном довольно любопытном моменте. По итогам битвы под Москвой была выпущена небольшая книга, в которой рассказывалось о некоторых примечательных эпизодах московского сражения. В качестве авторов выступали восначальники, войска которых особо отличились в сражениях. Среди авторов был и генерал А. Власов — впоследствии активный пособник гитлеровского фашизма и руководитель так называемой РОА (русской освободительной армии), сражавшейся на стороне немцев. Так вот, А. Власов был единственным из авторов, который из чувства подхалимажа пел восторженные дифирамбы в адрес Сталина. Он, в частности, писал: "Ликвидацией солнечногорского нарява лично руководил Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин. Замысел солнечногорской операции был разработан им. Мы неоднократно получали указания от товарища Сталина о том, чтобы действовать на окружение противника, уничтожение его живой силы и техники.

Сталинский замысел был нами выполнен, и это обеспечило успех нашей операции"⁷⁴.

Этот эпизод я привел для того, чтобы показать, насколько двуличным, льстивым и беспринципным был будущий главный предатель из числа советских военных — генерал Власов. Его дальнейшие поступки и действия хорошо просвещиваются этими льстивыми дифирамбами в адрес Сталина.

Известный военный историк Лиддел Гарт в своем солидном исследовании

⁷³ З. Вестфал, В. Крайне, Г. Блюментритт, Ф. Байерлем, К. Цейтлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. (Электронный вариант)

⁷⁴ Наши удары по врагу. Разгром немецких войск под Москвой. Сборник. М. 1942. (Электронная версия).

истории второй мировой войны, несмотря на то, что действиям на Восточном фронте он уделил незаслуженно более чем скромное место, констатировал: “Русские отбросили измотанные в боях немецкие войска и обошли их с флангов, что создало критическое положение. Захватчики – от генералов до солдат – с ужасом вспоминали об уничижении, постигшем Наполеона при отступлении из Москвы. В этом критическом положении Гитлер запретил любое отступление, за исключением местных отходов на самое кратчайшее расстояние. И если учесть ту обстановку, он был прав. Это решение обрекло его войска на передовых позициях на ужасные страдания: у немцев не было ни одежды, ни снаряжения для ведения зимней кампании в России. Но если бы они начали общее отступление, оно могло бы перерасти в полный разгром охваченных паникой войск”⁷⁵.

И в констатации Лиддел Гарта нет ни капельки преувеличения. Если бы советские войска не были измотаны тяжелейшими боями на фронте от Баренцева до Черного морей, то неизбежная расплата для гитлеровской Германии наступила гораздо раньше, чем в далеком тогда 1945 году. Но не стоит забегать вперед, ибо Советской России предстояли еще тяжелейшие испытания, колоссальные жертвы и неимоверные страдания для ее народов.

Всемирно-историческое значение победы под Москвой. Мировое значение победы под Москвой определялось прежде всего тем фактом, что впервые за всю вторую мировую войну 1939–1945 гг. именно советские войска нанесли крупнейшее поражение армии фашистской Германии и развеяли миф о её непобедимости. Хотя окончательно разгромить группу армий “Центр” не удалось из-за ограниченности сил и средств, битва под Москвой сыграла огромную роль в войне. Гитлеровский план “молниеносной войны” был сорван. Советские войска вырвали у противника стратегическую инициативу. Она знаменовала решительный поворот военных событий в пользу СССР и оказала большое влияние на весь дальнейший ход войны. Красная Армия в битве под Москвой приобрела ценный опыт ведения крупных наступательных действий, возмужала и закалилась. В связи с устранением угрозы захвата немцами столицы и переходом стратегической инициативы на сторону Красной Армии советское руководство по инициативе Сталина приняло ряд мер по стабилизации обстановки в тылу и развитию успеха на фронте. ГКО постановил разминировать предприятия и объекты Москвы, подготовленные к взрыву еще в октябре, прекратить все работы на пяти оборонительных рубежах, возводившихся за Волгой, Окой и Клязьмой. Одновременно Ставка ВГК и Генеральный штаб осуществляли подготовку к новым наступательным операциям Красной Армии.

Не стану подробно касаться международных аспектов значения победы под Москвой. Подчеркну лишь, что она серьезно остудила агрессивный пыл японской военщины, наиболее воинственные представители которой ратовали за то, чтобы напасть на Советский Союз и тем самым открыть против него своеобразный второй фронт. Нельзя с полной категоричностью утверждать, что именно поражение гитлеровцев под Москвой явилось главным доводом в пользу того, чтобы Япония соблюдала нейтралитет. Однако отбрасывать данное соображение со счетов также было бы исторически неверно.

Эта победа была достигнута благодаря массовому героизму советских воинов и трудовым усилиям советских людей. Весь мир, затаив дыхание, следил за ходом и исходом московской битвы. И вздохнул облегченно, когда она заверши-

⁷⁵ Б. Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М. С.-Петербург. 2002. С. 187.

лась разгромом гитлеровских войск и торжеством советских воинов. Именно об этом свидетельствует телеграмма, посланная Сталину президентом США Рузвельтом. В ней говорилось: “Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации”⁷⁶. Горячие поздравления были получены и от руководителей других держав, находившихся в состоянии войны с Германией. Посланец премьер-министра Великобритании Черчилля А. Иден своими собственными глазами увидел поля сражений под Москвой, поскольку именно в декабре он совершил свой визит в Москву. Так что он имел возможность от имени премьера и своего собственного передать свои поздравления Сталину. На самого Идена картины происшедшей грандиозной битвы произвели сильнейшее впечатление, о чем он впоследствии писал в своих мемуарах. Черчилль же лично писал Сталину по поводу победы под Москвой: “Нет слов, чтобы выразить восхищение, которое все мы испытываем от продолжающихся блестящих успехов Ваших армий в борьбе против германского захватчика. Но я не могу удержаться от того, чтобы не сказать Вам еще слова благодарности и поздравления по поводу всего того, что делает Россия для общего дела”⁷⁷. Stalin ответил Черчиллю вполне достойно, намекнув между строк о необходимости открыть второй фронт: “Благодарю Вас за поздравление по поводу успехов Красной Армии. Несмотря на трудности на советско-германском фронте, как и на других фронтах, я не сомневаюсь ни минуты, что мощный союз СССР, Великобритании и США сломит врага и одержит полную победу”⁷⁸.

Прославляя победу, нельзя обойти молчанием цену, которую пришлось за нее заплатить. Битва под Москвой стала одной из страшных человеческих трагедий. Общие потери советских войск составили 1 805 923 человека, из них безвозвратно – 926244 человека, а кроме того, 4171 танк, 21478 орудий и минометов, 983 самолета. Из строя выбыли навсегда семь командующих армиями, из них четверо погибли, трое оказались в плену. Да и немцы за семь месяцев потеряли здесь 615 тыс. солдат и офицеров.⁷⁹

И, наконец, о роли Сталина в достижении этой крупнейшей с начала войны победы, которая отныне и немецкому командованию, да и советским военачальникам, стала рисоваться в несколько ином ключе. Не растекаясь мыслью по древу, можно с достаточным основанием утверждать, что роль Сталина как государственного и политического лидера страны, как Верховного Главнокомандующего была исключительно велика. Он нашел в себе силы извлечь необходимые выводы из поражений и крупных ошибок начального этапа войны и правильно определил главные военно-стратегические и политические параметры, в соответствии с которыми и направлял развитие событий. Какой бы противоречивой кое-кому ни казалась его роль в первый год войны, в целом можно утверждать, что он оказался достойным миссии, возложенной на него историей.

⁷⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. М. 1976. С. 12. (В дальнейшем – Переписка...).

⁷⁷ Там же. Т. 1. С. 49–50.

⁷⁸ Там же. С. Т.1. С. 50.

⁷⁹ Великая Отечественная война. Суровые испытания. Книга первая. С. 303.